

Александр Чернов

ОДИССЕЯ КРЕЙСЕРА

«ВАРЯГ»

ЧЕМУЛЬПО—ВЛАДИВОСТОК

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Борисович Чернов
Чемульпо – Владивосток
Серия «Военная фантастика (АСТ)»
Серия «Одиссея крейсера
«Варяг»», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7702756

Одиссея крейсера «Варяг»: Чемульпо–Владивосток: роман / Александр Чернов: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-983081-8

Аннотация

Легко рассуждать об ошибках предков, сидя в кресле за компьютером. Тем более, если ты всерьез увлечен историей флота, душа твоя искренне болит за поражения Родины в давно отгремевшей войне, а знания позволяют судить об их причинах. Только вот исправить в прошлом ты уже ничего не можешь, даже если бы очень этого хотел...

А вдруг? Вдруг тебе выпадет шанс? Шанс, которого теоретически просто не может представиться?

Именно такой шанс выпадает на долю главного героя этой книги. Но, взглянув глазами Всеволода Федоровича Руднева, командира крейсера «Варяг», на рейд порта Чемульпо за сутки

до знаменитого боя с японской эскадрой, он осознаёт, что знаний фаната морской истории, патриотизма и личной смелости может оказаться не достаточно для того, чтобы выйти из неравной схватки победителем.

Однако жребий брошен! Настало время проверить железом и кровью его идеи, теории и расчеты. «Готовятся к бою орудия в ряд, на солнце зловеще сверкают!...»

Содержание

Предисловие	6
Необходимое пояснение (вместо авторского предисловия)	8
Введение	11
Пролог	15
Глава 1	23
Глава 2	28
Глава 3	42
Глава 4	60
Глава 5	80
Глава 6	107
Конец ознакомительного фрагмента.	116

**Александр
Борисович Чернов
Чемульпо – Владивосток**

© Александр Чернов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Предисловие

С начала русско-японской войны минуло больше ста десяти лет. С того момента, когда я решил в художественной форме изложить свою точку зрения на шансы прорыва крейсера «Варяг» из порта Чемульпо во время неравного боя с японской эскадрой, скоро пройдет десять...

То, что начиналось как шутка в споре с форумными приятелями, привело к весьма неожиданному результату. Автор, пишущих о той трагичной для нашей Родины войне, о различных вариантах ее альтернативного хода и исхода, стало МНОГО. И это хорошо!

Когда я только начинал выкладывать первую книгу на Самиздате, у меня кто-то спросил, а зачем я ЭТО пишу? Спустя десять лет до меня, кажется, «дошло». Один из моих читателей, ныне живущий в Израиле, написал, что его сын, прочитав «“Варяга”-победителя», который ему понравился, решил бегло просмотреть, а как там все было на самом деле? В общем, в результате, парень всерьез и надолго заинтересовался историей России...

Некоторые считают, что я должен был запретить Борису (Александру Борисовичу Чернову) писать продолжение истории, которую я начал, и использовать моих героев.

Не совсем понимаю, а почему, собственно? Мы делаем одно дело, пытаемся сделать историю России максимально ин-

тересной для неподготовленного, как правило, молодого читателя. В надежде, что кто-то из «юношей, обдумывающих житье», заинтересуется и первоисточниками.

Что же по поводу героев, то большинство персонажей у меня – реально жившие и воевавшие в той войне люди. И если бы кто-то из них возмутился тем, что я про них написал, то явились бы ко мне во сне и потребовали сатисфакции. То же хочу сказать и Александру Борисовичу – пусть будет осторожен. Работа с историческим материалом, с душами и памятью ушедших наших предков – дело ответственное.

В общем, как автор первой альтернативы о прорыве «Варяга», я категорически не возражаю против использования моей идеи и героев другими авторами. Желаю удачи Борису в написании его новых книг и удовольствия от чтения всем нам!

Больше «Варягов»! Хороших и разных!

Глеб Дойников

Необходимое пояснение (вместо авторского предисловия)

12 ноября 2010 года я не смог устоять перед душевным порывом или, если угодно, искушением и засел за переделку всего того, что стало впоследствии вторым томом в серии романов Глеба Дойникова в жанре альтернативной истории – военной фантастики о «“Варяге”-победителе». Первая книга цикла «“Варяг”-победитель» вышла в начале 2009 года, вторая «Все по местам! Возвращение “Варяга”» – к лету 2011-го.

Понимая, что кому-то это может показаться банальным плагиатом, в начале работы над МПВ-2 я заручился согласием и одобрением уважаемого автора, за что искренне благодарю Глеба Борисовича. Что в итоге получилось, фанфик или же некая оригинальная «альтернатива на альтернативу», – судить вам, уважаемые читатели.

Оглядываясь на содеянное, добавлю, что побудили меня к этому несколько причин.

Во-первых, великие удовольствие и радость от появления «“Варяга”-победителя». Роман этот я прочел запоем несколько раз. Такого не было с «Цусимы» и «Порт-Артура».

Во-вторых, пришедшее вскоре понимание, что концовка книги серьезно «смазана». Создалось впечатление, что автор

торопился успеть сдать «проду» в срок. Так, увы, случается, если даты прописаны в договоре с издательством. Результат этой спешки был ощутим и в тексте второй книги цикла, с которой я ознакомился на ФАИ и Самиздате. Увы, исторических неувязок и фактических ошибок в ней оказалось еще больше.

Читателям, «не болеющим» русско-японской войной, не увлекающимся с юности историей флота, они не так и видны, но уровень книги для человека, находящегося «в теме», резко и необратимо снижали. Равно как и «декоративное» использование автором реальных исторических персонажей, даже таких знаковых фигур, как, например, адмиралы Е.И. Алексеев и С.О. Макаров, царь Николай II. А меня никто и никуда не торопил...

В-третьих, вместо страстно ожидаемого мною разгрома японского флота в «Альт-Цусиме» второй книги автор выписал некое огромное и труднопереваримое действие, заканчивающееся бледной, «очковой» победкой русской стороны. Честно говоря, я жестоко и горько обманулся в ожиданиях. Обидно было буквально до слез.

И наконец, в-четвертых. Вторая книга у уважаемого автора приходит в финале к дружескому «замирению» России с Японией. В итоге, в третьей книге, которая пишется Глебом Борисовичем, все окончится влезанием нашей страны в блок Антанты для войны с Германией за интересы Парижа и англосаксонских государств, а фактически – за интересы

«отца мировых войн» – набравшего силу «золотого интернационала»... И это – после жестокого опыта XX века, когда именно ориентация политического и делового бомонда России эпохи Николая II на столь противоестественный союз привела к цепной реакции в виде более чем пятидесяти миллионов смертей наших соотечественников?

Последним толчком к началу этой работы стало мое посещение форума «Цусима» (www.tsushima.su), где в кругу энтузиастов и подлинных знатоков истории нашего флота и той постылой войны шло деятельное обсуждение книги с первых дней работы автора над ней, где добавлялись в нее целые куски. Но... лишь до момента, когда Глеб Борисович от обсуждения отказался, просто перестав появляться на форуме.

Оказавшись среди близких по духу людей, я и решился на этот отчаянный шаг. В итоге, одной лишь второй книгой дело не закончилось. Пришлось переработать текст первой, серьезно дополнить его, исправить найденные исторические и технические неувязки. Два тома превратились в семь, а вместо предполагавшихся нескольких месяцев работа затянулась на пять лет. И если бы не бескорыстная помощь коллег по интернет-форумам «Цусима», «Крейсер», «Самиздат», «Форум альтернативной истории» и «В вихре времен», этот коллективный труд никогда не был бы проделан.

Александр Чернов

Введение

«Варяг», русский бронепалубный крейсер I ранга, построен в Филадельфии (США) на верфи «Крамп и сыновья». Спущенный на воду 31 октября 1899 года, в феврале 1902-го, он вошел в состав Порт-Артурской эскадры Российского императорского флота на Тихом океане. Через год на мостик крейсера поднялся новый командир – капитан I ранга Всеволод Федорович Руднев, с чьим именем неразрывно связан героический подвиг корабля. В декабре он получил приказ прибыть в порт Чемульпо (Инчхон), являющийся морскими воротами Сеула, столицы Кореи. «Варягу» и канонерке «Кореец» предстояло нести там службу стационаров – кораблей «военно-дипломатического присутствия».

В ночь на 27 января 1904 года Япония без объявления войны напала на Россию и приступила к оккупации Кореи, еще накануне десантировав войска в Чемульпо. В этом формально нейтральном порту стояли стационары Англии, Франции, Италии, США и России. Завершив высадку десанта, после полуночи японские корабли покинули рейд. Но на следующее утро контр-адмирал Уриу Сотокичи, командовавший двумя броненосными, четырьмя бронепалубными крейсерами и восемью миноносцами, блокировал порт и направил Рудневу ультиматум. Известив о начале войны, он потребовал к полудню либо выхода из гавани «Варяга» и

«Корейца» для боя, либо их капитуляции. В противном случае его корабли войдут в порт и расстреляют русских прямо на якорной стоянке.

Руднев обратился к командирам иностранных стационаров за поддержкой: они могли опротестовать действия японцев, как грубое нарушение международного права, и, по крайней мере, сопроводить «Варяга» и «Корейца» до нейтральных вод. Но, хотя и заявив Уриу формальный протест, они предпочли остаться сторонними наблюдателями.

На военном совете русские офицеры единодушно решили не отдавать свои корабли в руки неприятеля, а приняв неравный бой, пробиваться в Порт-Артур. Жестокое сражение длилось чуть менее часа. В нем «Варяг» был тяжело поврежден, прорыв стал невозможен. Продолжая отстреливаться от наседавшего противника, крейсер и канонерская лодка возвратились обратно на рейд Чемульпо. Там наши моряки взорвали «Корейца» и открыли кингстоны на «Варяге». Экипажи были взяты на борт английского, французского и итальянского стационаров, избежав унижения плена, а тяжелораненые были размещены в госпитале под опекой Международного Красного Креста.

Через год японцы подняли затопленный крейсер, который после ремонта получил название «Сойя». Во время Первой мировой войны Россия выкупила его. Введенный в строй русского флота под своим историческим именем, Октябрьскую революцию 1917 года «Варяг» встретил в Англии на

ремонте. Там он был захвачен британцами, продан на слом, но при буксировке разбился во время шторма на прибрежных скалах Шотландии. А в России более полувека даже не знали, где упокоился ее самый знаменитый крейсер...

В чем же феномен того, что сегодня, спустя более чем столетие, отделяющее нас от печального финала того несчастливого для русских военного противостояния, все больше интереса вызывают его события, и в том числе одно из первых – бой «Варяга» и «Корейца» с вражеской эскадрой у Чемульпо? Может быть, это происходит потому, что в нашем обществе зарождается наконец осознание того факта, что именно шокирующий проигрыш русско-японской, такой совсем не великой по историческим меркам, войны и стал катализатором «Русской трагедии» XX века?

Но так ли уж фантастично жестокое поражение, нанесенное нашей громадной Империи дерзкими японцами, если не забывать, что за спиной у них стояли две великие англосаксонские державы, для которых «сдерживание Московии» традиционно являлось, да и поныне является, одним из краеугольных камней их государственной политики?

Только было ли все predetermined и безнадежно для России, для ее армии и флота?

Как у вас там с мерзавцами? Бьют? Поделом!

Ведьмы вас не пугают шабашем?

Но не правда ли, зло называется злом

Даже там – в добром будущем вашем?

В. Высоцкий

Пролог

Москва, бар «Пивная кружка», 20 декабря 2012 года

В дальнем темном углу подмарафеченного до уровня постсовкового общепита полуподвала заняли столик двое. Вернее, пятеро, если считать с кувшином пива и кружками, и пятнадцать, если добавить десяток раков, по терминологии бара – «спецназ». Впрочем, раков, пожалуй, считать не стоило из-за катастрофического по скорости сокращения численности...

– Вадим, отвали!

– Да ладно тебе, Петрович, если уж нечего сказать, так просто признай это!

– Ты меня на пиво позвал или на 101-ю серию диспута, мог ли прорваться «Варяг», или нет? На пиво? Вот и наливай.

– За мной не заржавеет, пжалста. Получите, распишитесь и подавитесь... Но все же? Ведь безыдейно же? Что молчим, язык проглотили под раковую шеечку?

Петрович, более «возрастной» из разошедшихся не на шутку спорщиков, выстраданно вздохнул и демонстративно отряхнул рукав свитера от вцепившихся в его ворсинки хлебных крошек. После чего отхлебнул пол-литра Гиннеса одним могучим глоточком и, приканчивая очередного «спецназовца», тоном педагога, уставшего от непроходимой

тупости ученика, нравоучительно изрек:

– Технически не мог. Против эскадры адмирала Уриу шансов на прорыв у Руднева – ноль. Проскользнуть ночью...

– Ага. По тому-то Чемпу... Чемуль... Че-муль-повско-му! Во, выговорил, блин... Значит, пока трезвый. Или Че-муль-пинскому фарватеру? Так Уриу и стрелять не придется, только утречком выловить пару окоченевших уцелевших – и всего делов.

– Слушай, потерпи, не перебивай! Умный, да? Мог, не мог... «Чиода», кстати, ушел накануне именно ночью. И, по ходу, без особых проблем. С нашей колокольни сейчас понять сложно... Но днем мимо шести крейсеров и нескольких миноносцев – шансов еще меньше! Да я тебе это уже раз сто рассказывал, и моделировали раз двадцать всем форумом, и из Японии народ за Уриу играл!

– И ни разу «Варяг» даже до конца фарватера не дошел!!! А ты, осел упрямый, все твердишь, как попка: «Шанс был, шанс был»... Не было!

– Технически не было, Вадик. Технически... Практически – БЫЛ.

Вадим, поперхнувшись пивом и чуть не расплескав при этом содержимое своей кружки, яростно закашлялся. По-красневав по ходу этого процесса почти до «спецназовского» оттенка, он, отдышавшись и переведя наконец дух, с деланным беспокойством в голосе осведомился:

– Ты что, перед пивом чем потяжелее заправился, а ко мне

«заполировать» приполз? Или, может, Петрович, ты на что посерьезнее перешел? Уколов ты боишься. Нюхнул, может, чего?

– А в грызло?

– Да?! А ты сам-то понял, что щас сказал, деятель? Как можно что-то сделать, если это технически не реализуемо?! Бред! Хотя, знаешь, если ты такой упертый, шанс тебе может представиться... Если сам перед этим не преставишься.

– Слушай, чучело, я с моделированием завязал. Хватило. И так чуть с работы не поперли... К тому же даже твой прекрасный и навороченный комп, мать его интеловскую в многоядерную печень, реакции Уриу на ситуацию, которая была в реале, не воспроизведет. Не-ре-аль-но.

– А кто тут говорит про моделирование? Давай-ка нака-тим еще по одной, и я тебе растолкую, как ты самолично, если уж такой храбрый, вполне реальному Уриу задницу надрать сможешь. Как в том стишке: «Энто я тебе, голуба, говорю как краевед!»

– Ну и кто из нас тут укурился, блин? Хорош ржать! Ладно, давай еще по пинте и от винта...

– Ну, скорее, семь футов под килем, но насчет еще по пинте – это да!

*Несколько часов спустя, 9-й километр Рублевского шоссе,
20–21 декабря 2012 года*

– Ну что, Владимир Александрович, настало время. За-

пускаем?

– Профессор, а может, не стоит пока рисковать? Мы ведь ни в чем на сто процентов не уверены: ни как, собственно, установка работает, если она работает вообще; ни в том, как поведет себя реципиент, к которому мы подсажаем матрицу донора; ни в том, что на самом деле происходит с сознанием донора; ни каково влияние всего этого на стабильность пространственно-временного континуума. Вообще ни черта не знаем! Может, это его просто убьет...

– И чего, интересно мне, вы собираетесь ждать, коллега? Второго неожиданного пришествия нашего злобного клиента? Мы в прошлом месяце и первое-то чудом пережили. Вы уже год имеете «вроде бы работающую» модель установки. Как убедиться в ее работоспособности без реального эксперимента над людьми? Собачек и коней вы уже год пытаетесь перенести, и что? Даже если сознание Буцефала, Джульбарса или вашего любимого коня князя Олега будет как-то изменено, это никак на историю не повлияет, в хрониках зафиксировано не будет. Кстати, пока никто из подопытных четвероногих не издох, о чем вы не хуже меня знаете.

Нам нужен пример, который можно будет отследить по документальным источникам. То есть перенос человеческого сознания в прошлое, который немного, совсем чуть-чуть, повлияет на ход исторически зафиксированных событий. Это позволит определить, есть ли расхождения, вызванные подселением матрицы в прошлое, или нет. Если нет – придется

каяться перед заказчиком, и, дай бог, пронесет... Хотя это вряд ли. А если есть, то...

– Да как вы не понимаете! Если континуум будет изменен, то нас тут может просто не оказаться! Вообще, весь наш современный мир может оказаться несовместимым с теми событиями, которые натворит в прошлом сознание донора!

– Володечка, ну мы же и выбрали бесперспективный вариант именно из-за этого! «Варяг», чего бы он ни вытворял на рейде Чемульпо, НИКАК на ход не то что истории, даже на ход русско-японской войны повлиять не сможет! Он заперт эскадрой Уриу намертво. Ему не прорваться. Хорошо, если мы хотя бы сможем обнаружить разницу в прокладках курса и описаниях боя между архивными документами «снаружи» и теми, что есть в этом экранированном от воздействия установки особняке, который вы так претенциозно назвали хроносейфом.

Ну, может, как максимум отклонений, не на рейде его утопят силами экипажа, а на выходе из порта снарядами «Асамы». Даже при невероятном варианте, если и попадет «Варяг» пару раз, его «дубовые» снаряды и японская броня – абсолютно безопасное для исторического континуума сочетание. Не переживайте вы так. А в остальном, ведь именно эти тонкости нам и надо проверить, не так ли?

– А как же донор? Если он, того... Дело-то новое, что с ним-то будет? И с нами заодно, не хватятся его?

– Не волнуйтесь. За нашу систему поддержания жизнеде-

ательности тела донора я вам ручаюсь. И если с возвратом все пройдет штатно, максимум, что молодому человеку будет угрожать – это приступ диареи. Однако не суть... Но, в конце-то концов, даже если что-то пойдет не так... Мой сын не зря ведь полгода изображал фаната истории русско-японской войны, доизображался до того, что хоть его самого туда посылай, увлекся балбес! Ну ничего, блажь из головы выветрится, молодой еще.

Зато экземпляр на моего «живца» попался вполне подходящий. Похрапывающий сейчас в нашем «саркофаге» хомо сапиенс, если так можно говорить о сем заигравшемся индивидууме тридцати двух лет – завсегдачай пары псевдоисторических форумов, досконально знающий историю русско-японской войны на море. Если установка все же сработает, как планировалось, остатков сознания каперанга Руднева должно хватить для того, чтобы наш подопытный свободно ориентировался на «Варяге».

А то, что гражданин Карпышев изо всех сил будет пытаться прорваться и по ходу дела японцам по репе настучать – это я вам гарантирую. Это его идея-фикс, отягченная болезненным ущемлением его великоросского достоинства гнусными реалиями современности. И ТАМ этот неисправимый идеалист непременно возжелает послужить России-матушке, что теоретически только усилит его «прорывные» потуги. Поэтому мы его и отобрали. И не только мы, как вам известно...

Но! На этом знании предмета и квасном патриотизме его положительные качества и заканчиваются. Работа – еле-еле платить за квартиру и пиво, здоровье среднее. Постоянной подруги и близких друзей нет, типичный лузер, пользуясь его языком. Так что, паче чаяния, если даже ваша программа возвращения не сработает, то его особо и искать никто не будет. С недельку. А будут – ну найдут внезапно съехавшего с катушек компьютерного маньяка... Не впервой.

– Однако вы жестоки, профессор...

– Не паясничайте, коллега. Вспомните, на кого работаем. Если мы через полгода не представим заказчику способ ретроспективной игры на бирже, то тогда найдут уже нас, друг мой. Но заниматься нами уже, скорее всего, будут не психиатры, а судмедэксперты. Кстати, если помните, идея ТАК получить финансирование не моя! Кто ему пел про игру на бирже по заранее известным курсам?! Тогда вас, мой дорогой, больше заботила не стабильность континуума, а возможность воплотить свое детище в металле и кремнии. Вот тогда и надо было рефлексировать, а теперь поздно.

– Тогда вам самому идея понравилась, кстати... А где еще было взять десяток миллионов долларов на разработку и постройку установки?! Да чтоб и себя не забыть? И кто тогда знал, что всем известный олигарх Антонович, владелец заводов, пароходов, приисков, копей и футбольных клубов настолько недалеко ушел от своего бандитского прошлого? Все мы задним умом крепки... Ладно, давайте рискнем. Авось

пронесет... Хотя, честно признаюсь, морды наших охранников на этой райской даче мне не внушают оптимизма. Я уже молчу об их начальнице, Мистере Печеное Яблоко, как вы его назвали. Как взгляну на него – сразу себя представляю с утюгом на лице... Такое впечатление, что ему приказано нас убирать при любом результате эксперимента. Смотрит как на покойников. И в Москву последние два месяца только с их сопровождением отпускает. Для нашей безопасности, ага...

– Все, коллега, вместе влипли – вместе и выбираться теперь. И проще всего это будет сделать при работающей установке. Такой вот бальзам на вашу больную совесть. Хватит тянуть волынку да диспуты устраивать. Слышите – уже полночь пропикало?..

– Ну, с Богом...

– Что-то не замечал я за вами особой набожности... Но пусть так. С Богом, так с Богом... Поехали!

Глава 1

Похмелье

Где? Когда? Без стакана не определить...

Сколько раз я себе говорил «в нуль» не напиваться?.. Господи, хреново-то как! Но так вроде еще никогда не было... Если только в тот памятный раз на выпуске из Морского корпуса... Бр-р-р...

Или из училища?.. Какого, блин, училища?! ПТУ я вроде не кончал, родной МАИ, что ли, понизил спьяну? Да еще Морского... Так и до белочки допить можно... Если еще не допился. Это что? Меня так бултыхает, или... Кровать, сучка, качается! Несильно, но ритмично... Не-ет, только не про тазик!!!

Качка бортовая, кто-то мимо проходит...

Какая, в жопу, качка?! Нет, так нажираться нельзя. Годы уже не те. Все же, разменяв тридцатник, пора немного притормозить, но и Вадим хорош тоже, гнида недодавленная, со своим: «Приходи! Пивка попьем!» Угу, знает ведь, гаденьш, что когда мы с ним начинаем спорить об истории, то все кончается или скандалом, плавно переходящим в пьяную драку, или, в идеале, пьяным отрубом. Чем мы пивко у него запивали? «Курвуазье»?

Еще что-то про эксперимент какой-то плел, кучу грина,

какую-то установку, что в институте его отца слабаки, перенос матриц в психов... Или психов в матрицу...

Нет, пора вам, Всеволод Федорович, в ваши пятьдесят начинать вести себя как подоба...

КАК Я СЕБЯ НАЗВАЛ??? **ЧЕГО ПЯТЬДЕСЯТ???** Вадик... Придушу, гада, ну нельзя же так мешать пиво с коньяком, чтобы...

Стоп. **ГДЕ Я?** Почему окно круглое? Вадиков папик перестроил дачу, что ли? Реально перестроил, причем в стиле «под старину с распальцовкой». Секретер, бра в стиле барокко, портреты... Ого, а чего это он Николашку Второго, то ли Кровавого, то ли Святого (по мне, так Слабовольный было бы точнее) повесил на стенку-то? Никого посимпатичнее найти не смог? Да еще и Алиса при нем... Мышь белая... Ну и вкус у чела, блин. Странно, вроде раньше за этой семейкой профессорской ничего эдакого «тупо-монархического» не замечалось... И что это за звяканье?

Какие еще «пробили склянки»? Куда же меня занесло по пьяни-то? С «койоти агли» телкой пару раз просыпался, было... Но вот **ГДЕ** я просыпаюсь, обычно помню всегда. В смысле, помнил. Новая страница в биографии, не иначе. Где мы, кто мы? Я не знаю...

И телки почему-то нет рядом... Такая кровать пропадает! Абидна, так укушаться, и зря. Да и спросить не у кого, куда же меня занесло на этот раз. Как башка болит, аспирину бы...

Так, восстановим события, где я вчера рухнул? Дача или его дом, Вадима этого, трахнутого по кумполу кувшином со смесью пива с коньяком? Вроде дача...

Какая, на хрен, «каюта командира»?! ЧЕГО командира? Что за хрень лезет в голову: каюта, качка, корпус морской, склянки какие-то... Мы что, вчера еще с Вадиком и медицинским спиртом догонялись? Из склянок? Не дай бог, если так, то тогда точно щас помру...

Однако просто и по-быстрому отмучиться не удалось. Внезапно в голове раздался мелодичный перезвон, и хорошо поставленный, но насквозь компьютерный женский голос поведал тихо шуршащему шифером съезжающей крыши Петровичу следующее:

– Карпышев Владимир Петрович, поздравляем, вы стали участником эксперимента по переносу психоматрицы в пространственно-временном континууме (Че?! Точно белочка!). 20 декабря 2012 года вы дали согласие на перенос матрицы вашего сознания в тело командира крейсера первого ранга Российского императорского флота «Варяг» Всеволода Федоровича Руднева для проверки теории об упругости времени.

Ваша стартовая пространственно-временная локация: внутренний рейд корейского порта Чемульпо, сегодня 26 января 1904 года. Местное время – 12:00, канонерская лодка «Кореец» через три часа выйдет в Порт-Артур, но, как вы знаете, будет остановлена японской эскадрой под командо-

ванием контр-адмирала Уриу Сотокичи и будет вынуждена вернуться обратно на рейд, где в качестве стационара находится ваш крейсер.

Оговоренное вознаграждение за участие в эксперименте в сумме пятидесяти тысяч евро будет вам выплачено по возвращению в наше время; в случае успешного прорыва «Варяга» из Чемульпо означенная сумма удваивается.

В свою очередь, вы обязались в рамках попытки прорыва вашего крейсера и мореходной канонерской лодки «Корец» из Чемульпо вести себя максимально непохоже на оригинального Всеволода Федоровича Руднева. Память и навыки вышеупомянутого Руднева теоретически должны были сохраниться на уровне подсознания и рефлексов и должны быть вам доступны.

Проверка возможности субъекта с наложенной психоматрицей совершать действия, отличные от поведения исторической личности, является одной из главных целей эксперимента, наряду с проверкой возможности внесения незначительных изменений в исторический континуум.

Для повторного прослушивания сообщения необходимо четко подумать «F one, help». Желаем удачи!

«МАМА!!! Суки с ублюдочным майкрософтовским чувством юмора! Доберусь – убью за одно только «F one, help»!» Тут мысли Карпышева были прерваны до боли знакомым перезвоном, после которого в голове опять зазвучало:

– Карпышев Владимир Петрович, поздравляем, вы стали

участником эксперимента по переносу...

«Ё-мое, подсказка-то работает!»

Глава 2

Пожар в публичном доме

Рейд Чемульпо, Корея. 26 января 1904 года, 12:35

Ну хоть по поводу памяти каперанга Руднева не кинули, гады. Действительно работает. Интересно. Но, черт возьми, КАК? Что же это за супермоделирование-то такое, с достоверными даже на ощупь интерьерами, натуральнейшей головной болью и мерзким похмельным вкусом кошачьего дерьма во рту? Неужели и вправду? Да ну, чушняк какой-то... Проще считать, что какое-то моделирование в виртуальной реальности, а то точно можно с катушек съехать...

Но каковы сволочи в этом НИИ химических удобрений и ядохимикатов! Так же только матросов на британский флот вербовали в веке, этак, семнадцатом. Проснулся с бодуница – и, на тебе, 1904 год! Но им-то хоть опохмелиться давали в старые добрые времена...

Хотя... Командир я, или где? Сейчас проверим, чего тут мне эти козлищи намоделировали... Так... Как бишь, его? Вестового-то моего? А! Ну да!

– Тихон!!!

Долго ждать не пришлось, тут как тут нарисовался. На щеке отпечаток грубой ткани форменки. Видать, в кресле дрых, пока господин каперанг в адмиральский час почивают.

– Чего изволите, ваше высокоблагородие!

– Пива, будь добр, друг любезный.

Вестовой выпучил осоловелые глаза:

– Какое пиво, вашвысбродь? – зачастил Чибисов. – Уж недели две, как кончимшись, из Артура-то мы когда вышли...

Твою мать! Действительно, какое пиво в Корее? Но как же колбасит, батюшки светы...

– Что встал столбом?! Хоть чаю тащи, ирод! Или смерти моей захотел?

– Сей секунд, ваше высокоблагородие!

Так, эта проблема решается... Кстати, реакции вестового достоверные – пиво в Корее если и есть, то местная кислятина с коротким сроком жизни. На крейсер ее никто не по-тащит, тем более для господ офицеров...

Да. Хоть и гады по жизни эти яйцеголовые, но, похоже, хорошая матмодель у них получилась, детализированная... Что на взгляд, что на ошупь – высший класс! Ну и ладно. Типа, я поверил, что за бортом 1904-й. По морде Вадик все одно в нашем 2012-м получит. И крепко. За одно только отсутствие нормального пива удавлю козла.

Тыксс... Полтос евриков, говорите? Интересно-интересно... В случае успешного прорыва – сотка. А как быть с этим самым прорывом? Что я помню из того, что тут случится, без перечитывания шпаргалок? Под вечер «Кореец» приползет обратно на рейд с «радостным» известием о том, что япон-

ские крейсера и миноносцы преградили ему выход в море, а миноносцы даже пускали по нему мины. На что его артиллеристы без приказа с мостика ответили несколькими выстрелами из мелкокалиберных орудий. К полуночи самураи под прикрытием трех крейсеров и четверки миноносцев скинут десант, тысячи три штыков, так что если что-то надо с берега, то лучше об этом позаботиться нынче же. А завтра с утраца получаем ультиматум, и понеслось...

Чем могу им на это возразить? Варианты, навскидку?

Может, остановить пока «Корейца»? Поднять на «Варяге» пары и сразу идти вместе с ним? Через час снимемся с якорей... Ага. А Уриу уже идет островами... Все равно не разминемся. Значит – бой. Итог понятен. Прорыва нет.

Или при себе пока оставить Беляева... А смысл? И как мне тогда, без сегодняшних минных атак японцев на его канонерку, господ-офицеров и посланника Павлова убеждать, что завтра у нас – **ОБЯЗАТЕЛЬНО** война? Еще решат, не дай бог, что командир перекушал чего до белочки или просто сбрендил со страху. Может наоборот, постараться избавиться от старика – приказать Беляеву ближе к вечеру тихой сапой проползти мелководьями по южному фарватеру?

Допустим... И что будет? Даже в сумерках незамеченным он вряд ли прошмыгнет. Хоть у Уриу и есть приказ Того постараться не начинать боевых действий до завтрашнего утра, тут что угодно может случиться. Он его не выпустит по-любому: конечно, до Артура старик к ночной атаке их дестро-

еров на эскадру Старка никак не успевают, но вот в Чифу с телеграммой... А значит, будет открыт огонь. И в Чемульпо он, конечно, будет слышен. Что я предприму в этом случае, японец не знает, следовательно, будет рассчитывать на худшее. И в результате вместо ужина вопреки «Асама» на рейд аки слон в посудную лавку меня топтать. Прорыв – аллес. Еврики – капут. Это не годится...

Конечно, ночью в темноте «Кореец» с его осадкой ускользнуть сможет. А мы с ним вдвоем? Нет, это авантюра чистая. Все равно, что на «зеро» поставить. Слишком уж велика вероятность для «Варяга» вылезти на камни. Опять с прорывом не камильфо-с...

Какие еще есть варианты? Часа через четыре, после минимальной подготовки, пойти с Беляевым на пару, наплевав на приказ Алексеева не мешать японской высадке, топить их пароходы с десантом на подходе к рейду? Отстреливаясь от крейсеров с надеждой в сумерках оторваться. А как не выйдет «с наглой рожей»? А и стопудово не выйдет, раскатают. Слишком уж их много на нас двоих... Ну, хоть протаранить напоследок самого «жирного» супостата. Типа – подвиг! Только вот мне это – монопенисуально. Все равно, хоть «Асама» и в минусе, «Варяг» тоже на дне. По финансам – тож на тож...

Или все-таки та задумка про «Корейца», что форумными корифеями и подпевалой их Вадиком была дружно тапками заброшена? А почему нет, собственно говоря?

Ха! А ведь забавно, елы-палы, если выгорит... Значит пора расчехлять главное оружие XXI века – черный пиар и информационные войны. Или попросту – включать дурака. Хотя это еще старик Сунь-Цзы писал: «Обмануть – значит победить». Будем надеяться, что Уриу его не читал, а если и читал, то не обращал должного внимания на этот конкретный момент. Тут-то пока рыцарство в ходу, хоть и не у всех...

* * *

Что мы имеем? Пива нет, вестовой расторопный, крейсер, как подсказывает память Руднева, сейчас в состоянии «так себе». Но, кстати, и не такая уж развалина, как представлялось из будущего. Машины перебрали с перезаливкой новым металлом всех опорных подшипников пять месяцев назад. Днище чистое, доковались в августе. Полный тоннаж на сегодня – семь четыреста. Если тонн на двести-триста успеть разгрузиться, то двадцать два узла на пару-тройку часов дадим, лишь бы котельные трубки рвать не начало на семнадцати с половиной атмосферах. А двадцать узлов на четырнадцать по манометру – хоть на весь день. И уж никак не те «предельные двенадцать», о которых писали некоторые горячие головы. Но, что обидно, НИКТО ЖЕ ИЗ НИХ НЕ ПОВЕРИТ!

Впрочем, сначала надо прорваться, а не сесть среди бела дня на мель под расстрел всей японской своры, как это уже

разок было¹. К слову, про свору. Эскадра противника. Ну, об этих ребятах я как бы поболее Руднева знаю, что, в общем, и не удивительно.

Первым у нас в очереди на раздачу броненосный крейсер «Асама» – предтеча линейных крейсеров... Фактически никакой не крейсер, а броненосец второго класса. Или третьего, если во второй занести отечественные «Пересветы». Пока эта грозная боевая машина стоит как кость в горле поперек выхода, о прорыве можно и не мечтать, потому как превосходит она «Варяга» втрое по весу бортового залпа и впятеро по весу брони. Приплюсовав лучшую выучку комендоров и шимозные фугасы, получаем, что прямое противостояние с «Асамой» – либо повторение печального финала из «нашей» истории, либо, если после первых серьезных повреждений попробуем переть дальше, все будет еще более грустно. Поэтому против этого чудища применим домашнюю заготовку из XXI века. Правило «корейского» буравчика, так ска-

¹ В воспоминаниях некоторых участников боя у Чемульпо приводится эпизод с посадкой «Варяга» на мель у острова Идолми в результате потери управления кораблем из-за поврежденного японским снарядом рулевого привода. Косвенно это подтверждается и повреждениями его подводной части, обнаруженными японцами во время проведения судоподъемных работ, а также имеющейся в списке повреждений крейсера информации о сдвинувшемся с фундамента паровом котле, что и могло быть следствием удара камней в днище. И хотя «Варяг» под огнем противника сумел своим ходом сняться с мели, самые тяжкие повреждения от вражеской артиллерии были им получены именно в этот момент. Не все российские историки с этим согласны, поскольку в вахтенном журнале записи о постановке на мель нет. Однако Карпышев был совершенно уверен в том, что данное событие в реальной истории произошло.

зять...

Далее, предположим, что получилось. И к вящему изумлению всей собравшейся публики – хоть здесь, на мостиках и мачтовых марсах стационаров, хоть там, у этих уродов в лаборатории за компами, если они каким-то образом ситуацию отслеживают, «Асаму» мы с Беляевым грохнули. И тут же нас встречает кодла крейсеров более мелкого пошиба, у которых и дым пожиже и трубы пониже, как говорится. «Варяг» индивидуально сильнее каждого, но с ними предстоит драться по-честному и без фокусов. Самураи не тот народ, чтобы запаниковать при виде гибели самого сильного их корабля. Скорее наоборот, могут очертя голову ринуться мстить, поэтому к началу драчки с ними надо успеть разогнаться. Преимущество в ходе – вот мой главный козырь. Неторопливый дедушка «Кореец» к этому моменту по-любому уже вне игры.

«Нанива» и «Такачихо» – однотипная пара эльсвикских ²

² Термин «эльсвикский крейсер» произошёл от названия верфи «Эльсвик шипбилдинг» (Elswick Ship Building Yard), располагавшейся в Эльсвике на реке Тэйн. Проекты строившихся там крейсеров создавались известными британскими кораблестроителями, среди которых были Уильям Уайт (корабли типа «Нанива» стали первыми крейсерами его разработки) и Филипп Уоттс, ставшие затем главными строителями Британского флота. В течение 28 лет, с начала 80 годов XIX века, компания построила 51 крейсер для флотов 12 стран, в т. ч. Чили, Бразилии, Японии, Италии, Аргентины, САСШ, Китая. Корабли, чья родословная восходит к знаменитым безбронным крейсерам Дж. Рендела, первого главного строителя фирмы, отличались высокими боевыми качествами при умеренных размерах и относительно низкой цене. На них широко применялись новейшие технические достижения, позволявшие экономить вес, что в итоге дало уникальное

крейсеров не первой свежести. По скорости, бронированию и мореходности «Варягу» они не ровня. Но после перевооружения на новые шестидюймовки Армстронга, таковых у них по пять стволов на борт, десять против шести... Неприятно... Оставшиеся три крейсера – разнотипный сброд. Новейшая «гора»³ «Нийтака» в своем первом боевом походе с еще «сырыми», не притертыми механизмами и такой же командой. Еле ползающий на японском мусорном угле старенький «Чиода», кстати, с бронепоясом пароход, хоть и узким, и из сталежелезной брони, но все же. Да еще от рождения страдающий хроническими проблемами с машинами «Акаси». По вооружению все они слабее даже эльсвикских близнецов. Но вместе их пятеро. На раз-два не проредишь, да мимо с гиком не проедешь...

соотношение мощи вооружения к водоизмещению. Тем не менее, британский флот отказывался от крейсеров принадлежавшей Армстронгу верфи, утверждая, что они не соответствуют многим стандартам Королевского флота.

³ Крейсера адмирала Уриу, как, собственно говоря, и все остальные японские корабли этого класса, традиционно называли в честь гор и вулканов Страны Восходящего Солнца. Чиода – это одна из замковых гор в окрестностях Эдо. Сегодня и она, и прилегающие земли стали одноименным токийским районом. Недалеко от японской столицы находится и знаменитый действующий вулкан – Асама, чуть не похоронивший Токио под пеплом в 2009 году. Нанива – гора, у подножия которой вырос одноименный город, позже переименованный в Осаку, одна из древних столиц Японии. Такачихо – легендарная гора, обиталище богов и духов, сродни греческому Олимпу. Именно из ее пещеры явилась японцам лучезарная Аматарасу. Акаси – замковая гора в г. Кобэ. И, наконец, знаменитая черная гора Нийтака на Тайване (у китайцев она зовется Ю Шань), которая в то время считалась самой высокой в империи – 3952 метра. Знать бы только, почему ее имя получил далеко не самый мощный японский крейсер?

И задачка. Всего-то – вырваться из Чемульпо любимыми средствами, действуя иначе, чем Руднев в реале... Иначе, чем он? Вот уж это-то без проблем, господа. Чтоб лбом об стенку да с разбегу – не мой стиль. Да, красиво, с максимумом героизма, но... Не буду! А что буду, собственно, и что для этого у нас есть? Посчитаем, «состоятельные кроты»?

* * *

Для начала – имеем фору по сравнению с реалом в сутки, для подготовки к бою вместо драяния медяшек. И довольно приличное знание как противника, так и хода войны в целом. Мало? Не мало, а просто ничего! Тем паче, с такой похмелюги...

За сутки крейсер в семь с лишним тысяч тонн в идеальное состояние не привести, комендоров стрелять не научить. Анрыл! И что? Слив засчитан? Нет, кое-что сделать попытаться можно, конечно, главное ведь в нашем деле не пушки, а мозги.

Господи, лучше бы не вспоминал!.. А ведь говорил же кто-то, что кость болеть не может! Слава богу, заварен чаек-то хорошо. Отпускает вроде и без аспирина...

– Тихон! Господ старшего офицера и старшего артиллери-ста ко мне. Немедленно... И Лейкова минут через двадцать, пусть готовится подробно рассказывать, что за хе... чепуха у нас с машинами происходит. Может с собой вазели... мыла с

песком захватить, драить буду! Да, еще передай вахтенному офицеру, чтобы послали вельбот на пароход «Сунгари», как тот станет на якорь, пусть попросят капитана ко мне через час. И пусть оповестит всех господ офицеров о военном совете в восемнадцать часов!

Все же с несвойственными времени выражениями надо как-то завязывать. И откуда мне спросонок знать, что «Сунгари» сейчас входит в порт? Свои же офицеры повяжут, доктору сдадут, и плакали денежки! Игра-то, похоже, без сэйвов. Обидно будет...

Так, программа-минимум. Противоторпедные сети превратить в противоснарядные. Как? Сложить вдвое по ширине и обеспечить отвод от борта их выстрелов – шестов, на которые они подвязываются – не на полный размах, а примерно на его половину. Тогда от ватерлинии и на высоту около трех метров борт будет прикрыт импровизированным «сетевым улавливателем» для японских фугасных снарядов. И коек туда еще напихать. Конечно, осколки в нас прилетят, но это уже не двух-трехметровые рваные пробоины.

Далее. Надо скинуть тонн триста японского угля. Стояночный, он нам уже без надобности. Машины привести в порядок, насколько это за сутки вообще возможно. При этом приготовить к форсировке: предохранительные клапаны зажать, подшипники, чтоб не грелись, пусть хоть льдом обкладывают, хоть маслом охлажденным из ведер поливают. Надо забрать все масло на «Корейце» и «Сунгари». Если мало

Лейкву покажется – у французов купить на «Паскале», Сенес не откажет. Будем надеяться, что это нам пару-тройку часов нормального хода да добавит. И обязательно напомнить этому перестраховщику, что котлы реально испытывались не на его любимом давлении в четырнадцать атмосфер, а на всех двадцати восьми, так что завтра с началом прорыва надо поддерживать не менее семнадцати-восемнадцати. Если жить хочет, конечно.

Что еще?.. Обязательно самому пройти по кочегаркам. Конечно, мехи сами должны мозговать, как духов убедить в том, что риск обвариться из-за лопнувшей трубки в котле гораздо меньше, чем риск утопнуть во чреве крейсера, если при прорыве они не выжмут из машин оборотов на 22 узла. Но и командирское слово лишним не будет.

Кочегаров от третьей вахты освободить, пары ночью и сунгарские матросики смогут поддержать по минимуму. Накормить всех от пуза. Дерево – за борт, что успеем. Большие шлюпки – на «Сунгари», лишние запасы и, главное, мины заграждения – туда же. Кроме одной. Той, которой, может быть, предстоит сделаться главной героиней предстоящего нам действия... Торпеды оставить, пригодятся.

Теперь самое главное. Ради чего строятся корабли? Ради пушек. Что мы имеем на «Варяге» и какие есть у меня в кармане ноу-хау по действию артиллерии? Стрельба у скалы Ронда по пути сюда – на «три с минусом». Хоть память Руднева подсказывает, что разбор полетов произведен, а старарт

с Ниродом свое получили, поскольку главная причина сего конфуза именно неверное определение расстояний дальномерщиками. Только вот из истории явствует, что к бою с эскадрой Уриу кардинальных улучшений в этом вопросе так и не произошло. Но тут роковую роль мог сыграть и японский «лаки шот»⁴, уничтоживший варяжский дальномер и всю его прислугу в самом начале боя.

Нас это все не устраивает категорически. Чем-то придется блиндировать, обложить нашего «Барра энд Струда» кроме мата. Какая сука его вообще неприкрытым поставила? И как вернется «Кореец» – обязательно провести сверку и тренировку в определении дистанций, а то, если хроники не врут, то от головы до хвоста было в полтора раза больше, чем от хвоста до головы!⁵ Пока Нирод⁶ живой, неплохо бы ему поработать, может, тогда живым и останется.

По железу – проще ничего не трогать. За сутки улучшить уже ничего нельзя. Даже простейших щитов к орудиям не приклепать, это неделя минимум. Может, сделать противосколочные стенки для бортовых орудий из коек или, еще лучше, из котельного железа, если таковое сегодня-завтра

⁴ *Lucky shot* – дословно с английского «удачный выстрел».

⁵ Дистанция до «Асамы» в момент открытия огня определена на «Варяге» в 45 кабельтовых, а на «Асаме» до «Варяга» – в 35. Судя по тому, КТО попадал, японцы были точнее.

⁶ Мичман, граф Алексей Михайлович Нирод. В нашей истории – первая жертва боя. Погиб при первом же попадании шестидюймового снаряда с «Асамы» вместе со своим дальномером.

найдется? Но к носовым и кормовым парам шестидюймовок их сделать не получится, будут соседним пушкам блокировать сектора обстрела. Брустверы, помнится, на форуме кто-то из умных голов предлагал... Можно было бы попробовать. Из чего? Да как обычно. Сутки почти у нас есть, надо, чтоб из города притащили несколько сотен мешков с песком на «Варяг». Да! Не забыть еще заказать цемент на «Сунгари». Тонн так двести-триста...

К 47-миллиметровкам⁷ народ завтра не посылать, толку от них ноль до начала минной атаки, зачем людей зря гробить. На дистанции свыше сорока кабельтов постараться не стрелять, а то подъемные дуги переломаем. Пока сблизимся – половина орудий из строя выйдет без воздействия противника. И хоть сдохнуть самому, хоть прибить старарта с его азартными мичманами, но надо замедлить темп стрельбы! В реальности моего мира, похоже, артиллеристы «Варяга» так торопились выстрелить, что не успевали прицелиться. «Стреляли часто, но поражали лишь рыбу», – может, и гады эти японцы, но поэтически выражаться умеют... С маскировочной и искажающей окраской хорошо бы, но нечем, а главное, некогда.

А сейчас, пока Степанов с Зарубаевым не явились, самое время набросать письмо дипломату нашему – посланнику Павлову. Чтоб не вздумал перечить переводу ко мне на борт

⁷ Имеется в виду 47-миллиметровая одноствольная пушка Гочкиса образца 1883 года.

охраны дипмиссии. А сам пусть перебирается к французам или немцам под крылышко... И пусть еще телеграмму отобьет в Артур о неизбежной грядущей ночной атаке. Вдруг япошки телеграф не отрубили еще? Чтоб этим уродам из НИИ веселее было с их континуумом: глядишь, Старк по-другому в дебюте сыграет, вот потеха-то будет. Хотя это не мое дело, в конце концов, гонорар-то мне только за Чемуль-по обещан.

Ох, сбылись мечты идиота на его же голову... Ладно, будем мудрить.

Глава 3

Видимая сторона Луны

Рейд Чемульпо, Корея. 27-е января 1904 года, 07:45–16:35

Вечер и ночь прошли в высадке японского десанта, перегрузке на «Сунгари» с «Варяга» кучи разного барахла и перетаскивании другой кучи запасов с «Сунгари» и «Корейца» на «Варяг». Через бортовые горловины носовых угольных ям крейсера прямо за борт были выброшены более двухсот тонн стояночного угля, а корейцы привезли на двух шаландах за чем-то срочно понадобившийся русским морякам песок.

Утром с берега на «Варяг» переправились казаки и рота моряков с «Севастополя» из охраны посланника и его резиденции, счастливо избегнувших инцидентов с японскими военными благодаря находчивости офицеров и матросов с «Паскаля», возвращавшихся из Сеула тем же поездом. Следом за ними на крейсер перебралась основная часть команды «Сунгари». С учетом прибывших перед самым рассветом моряков с канонерки, без которых Беляев сегодня сможет обойтись, численность экипажа на борту повысилась почти на полторы сотни человек. Увы, обученность и соответственно полезность большинства вышеупомянутых людей в морском бою была околонулевой, за исключением «севастопольских» и «корейских», конечно...

После того, как утренний туман пропал вместе с японскими кораблями, точь-в-точь по ходу событий, насколько их помнила психоматрица лже-Руднева, катер с «Паскаля» доставил его на «Тэлбот». Первая половина встречи капитанов иностранных стационаров, с момента вручения ему японского ультиматума до отбытия итальянского и французского капитанов на свои суда, прошла примерно так же как и в известной Петровичу истории. Достаточно было просто позволить личности Руднева вести диалог – сначала просить командиров стационаров послать японцам ноту о недопустимости нападения на корабли на нейтральном рейде, а после их отказа сопроводить «Варяга» и «Корейца» до нейтральных вод, долго уверять собравшихся в готовности умереть за царя. Но вот приватная беседа с коммодором Бейли пошла по несколько иному руслу.

– Коммодор, с вами я могу быть вполне откровенным. Мой крейсер является таковым чисто номинально. На самом деле это картонная посуда с текущими котлами и постоянно греющимися подшипниками! На бумаге он выглядит грозно, не спорю – дюжина скорострельных шестидюймовок, двадцать четыре узла... А что на самом деле? Орудия стоят без всякого прикрытия. Пары фугасов хватит для выноса половины артиллерии – как орудий, так и расчетов. Машины реально дают не более двенадцати узлов, спасибо господину Крампу и котлам Никлосса! Зная это, адмирал Старк списал мне в команду алкоголиков и неумех со всей

эскадры! И с этим я должен идти на «Асаму»? Был бы у меня ваш «Тэлбот» – я бы, пожалуй, рискнул. А мое корыто и один «Асама» сожрет, не подавившись! Зачем Уриу притащил сюда еще пять крейсеров, не понимаю...

В ответе Бейли плохо скрываемое удивление – такого пассажира от Руднева он явно не ожидал – сплелось с холодным и ироничным сарказмом истинного британца:

– Это я вас не понимаю, сэр... Зачем ему пять крейсеров? Полагаю, чтобы, поскольку война начата, гарантированно решить поставленную перед ним задачу по обеспечению высадки войск. Без оглядки на любое возможное ваше сопротивление. Или вы, может быть, предлагаете МНЕ выйти в море и биться с японцами за вас?

– Хорошо бы, но нет, я всего-навсего прошу вас помочь мне обдурить эту желтую макаку Уриу... Что? Не ожидали такого, сэр Льюис?! – неожиданно рассмеялся Руднев.

«Этот русский, наверное, совсем спятил!» – явственно читалось на лице коммодора. Впрочем, наивностью Руднева надо было воспользоваться, ведь союзнику британской короны, адмиралу Уриу, не помешает знать планы противника.

– Занятно... Только чем я могу вам помочь, господин капитан первого ранга?

– Поймите: я совершенно не хочу умирать за этот занюханый корейский порт и губить здесь несколько сотен православных душ. Если он так уж нужен японцам – да, пожалуйста! Пусть подавятся, в конце концов, пусть узкоглазые

управляют узкоглазыми, мне все равно!

«Боже, и такие тупицы дослуживаются в русском флоте до каперангов! – пронеслось в мозгу Бейли. – Макаки – на то и макаки, чтобы работать на нас, белых людей, и под НАШИМ управлением. Но не понимать элементарных вещей вроде ключевой роли Чемульпо в развертывании японской армии! И это командир стационара?!»

– Понимаю. Но что вы намерены предпринять? – вежливо осведомился британец.

– Я выйду из порта. Но не до полудня, а сразу после того, как вам удастся передать Уриу смысл моего секретного предложения. Если оно будет им принято – дадите мне прямо с катера два свистка. Затем я вышлю парламентаря на моем катере. Его машины не лучше варяжских, да и трястись по волнам целый час мне не очень хочется. Так что, наверное, придется «Корейцу» его подтащить поближе к японцам.

Свой крейсер и «Сунгари» я поставлю на якоря, как выйду из порта. Примерно там, где намело банки, на которых француз прошлым летом сидел, и фактический фарватер не шире пяти кабельтовых... Но, ради бога, сэр Льюис, предупредите Уриу, чтобы он не стрелял! Ведь главное для него – высадить войска и заполучить порт. Я готов уйти и разоружиться в Чифу, и пусть он делает в Чемульпо все, что ему заблагорассудится!

– И это – ваше предложение? – с физиономии Бейли можно было писать картину «Скепсис». – Боюсь, мой дорогой

Всеволод, что на это японский адмирал не пойдет. Зачем ему выпускать вас из порта? У него настолько подавляющее превосходство в силах, что ему безопаснее утопить вас прямо тут или захватить, а не рисковать сопровождать и упустить быстроходнейший крейсер в море. Ему ведь нужна победа, а не ничья.

– Какой «быстроходнейший»?! Интересно, какую взятку получила наша комиссия, принявшая это убожество? Ну, если не в Чифу, да хоть тут прямо, в Чемульпо и интернируюсь, если вы лично гарантируете неприкосновенность «Варяга» до конца войны, пока «Тэлбот» стационарирует тут. Только пусть Уриу выпустит «Сунгари», ведь на него уже сутки перегружают мою коллекцию холодного оружия, разных нефритовых безделушек и китайского фарфа... гм... Одним словом, все самое дорогое судовое имущество, самодвижущиеся мины и секретные документы.

Глаза Бейли загорелись: «А! Так вот оно что. Оказывается у него с собой бьющийся и очень дорогой ЛИЧНЫЙ багаж! Тогда все встает на свои места... Этот жадный и недалекий русский медведь только что фактически подарил Японии свой корабль! А чья в этом будет заслуга? Интересно, сколько, чего и как быстро можно получить с Японии за неповрежденный крейсер в семь тысяч тонн, самый быстрый в мире, кстати...»

– Но, Всеволод, а зачем вам тогда вообще выходить на крейсере из Чемульпо? Стойте себе на рейде до окончания

моих переговоров с японцами.

– Я хочу блефануть. Пригрожу Уриу, что утоплю «Сунгари» минами «Варяга» на фарватере, если он не выпустит меня в Чифу! А потом приму бой на якорях, после чего затоплюсь там же сам. Посмотрим, насколько ему нужен порт Чемульпо. Зимой поднять обломки парохода в две тысячи тонн и разбитый крейсер-семитысячник – непросто.

– А я что, вместе с остальными стационарами должен буду сидеть в этой дыре полгода, пока не расчистят фарватер? Вы с ума сошли!!!

– Коммодор, я же сказал, что блефую! Ну кто мне позволит топить пароход частной компании, да еще такой, в которой имеет интересы сам Сергей Юльевич Витте? Кстати, в любом случае, фарватер там в высокую воду – пять-шесть кабельтовых, «Сунгари» и «Варяг» перекроют три от силы. Вы-то на быстроходном «Тэлботе» не глядя на течение пройдете, а вот неуклюжие транспорты японцы замучаются проводить... Так что, если мы с вами понимаем, что это блеф, то макаки могут и купиться. Если Уриу не будет стрелять первым, то, поверьте, в свободном уходе «Сунгари» я заинтересован побольше вашего. Но при всем при этом, сэр Льюис, перед начальством и собственной командой мне тоже не хочется выглядеть... Как бы... Ведь проявленную перед лицом неприятеля некоторую пассивность кое-кто может превратно истолковать, вы не находите?

– Полагаете? Хотя, конечно, определенный резон тут есть.

Я вас понимаю...

«Все ясно, надо предупредить Уриу, чтобы на переговорах на компромиссы не шел! И не открывал огня первым. Разоружение «Варяга» в Чемульпо, и точка. Через неделю-другую «Тэлбот» отзовут, и пусть японцы делают с этим «Варягом» что хотят. Моя совесть чиста, а карман полон». Дипломатических способностей истинного Руднева хватило на то, чтобы читать мысли Бейли с лица, как со страницы открытой книги, а выдержки и пофигизма Петровича хватило на то, чтобы их не откомментировать и не рассмеяться. Они начинали неплохо работать вместе!

– Ну что же, можете на меня рассчитывать, мой дорогой капитан. Я передам ваши слова контр-адмиралу Уриу максимум через два часа. Но зачем вы ломали комедию перед французом и итальянцем?

– О своей репутации мне ведь надо было позаботиться и с этой стороны. А если они предупредят японцев о моей готовности сражаться, договориться будет еще проще. Все же остальное – между нами, мой любезный коммодор. И потом, если нам удастся с адмиралом Уриу устроить маленькое шоу со стрельбой... Но, это уж как пойдет на наших с ним переговорах. Главное, заранее передайте ему мою изначальную пропозицию, и я – ваш должник по жизни!

«Они предупредят Уриу? Шоу со стрельбой? Точно, он какой-то странный сегодня. Неужели настолько испугался? Нет, не быть России морской державой. Так не понимать об-

становку, дрожать и избегать боя... Ни один известный мне командир Royal Navy⁸ так бы не поступил! А уж довести всего за два года новейший крейсер до такого состояния, что он не может дать более 50 процентов контрактной скорости – вообще уму непостижимо!»

* * *

В 15:20, на три с лишним часа позже срока, оговоренного в ультиматуме адмирала Уриу, русские корабли снялись с якорей и потянулись к выходу из бухты. Руднев дал команду на выход только лично удостоверившись, что из-за острова Идолми показался катер «Тэлбота» с сэром Льюисом Белли на борту.

До этого момента внешне все походило на события известной нам истории: молебен «Во одоление», дары, напутствие отца Михаила, построение команды и речь командира, хоть и более короткая, поскольку нервничавший Петрович боялся подпустить лишних, не соответствовавших духу времени словечек.

На крейсерах-стационарах команды выстроились во фронт, махали руками, бескозырками. Провожали идущих

⁸ *Роял Нейви (Royal Navy)* – Королевский флот. Самоназвание британского флота, в котором слово «британский» пропускалось, наверное, из английской скромности. Или с намеком на то, что ДРУГИХ королевских флотов в море сыны Туманного Альбиона не потеряют.

на верную смерть русских... «Как гладиаторов на арену Колизея, – Руднев скептически улыбнулся. – Любят они это дело, зрелища, еще со времен цезарей». Оркестр «Эльбы» исполнил «Боже царя храни», «Тэлбота» – «Коль славен». В ответ с «Варяга» донеслись звуки итальянского и британского гимнов...

Но что за необычные обвесы вдоль бортов из парусов на «Корейце», который, обменявшись флажными сигналами с крейсером, первым двинулся с рейда? В «нашей» истории было с точностью до наоборот – первым из порта выходил «Варяг». Кроме того, сейчас «Кореец» еще и тащил за собой на буксире «варяжский» паровой катер. За ними, с отставанием в несколько кабельтовых, неторопливо, на пяти узлах, шествовал крейсер.

Следом за русскими боевыми кораблями поплелся и «Сунгари», нагруженный так, что ватерлиния ушла под воду на добрый фут. Что на него свозили корейцы последние сутки со всего города – известно одному Богу и четырем французским офицерам, добровольно вызвавшимся помочь Рудневу и Степанову в их срочных делах. За скромное вознаграждение, естественно. Всем же остальным было не до этого. Японцы были слишком заняты высадкой десанта и охраной онога от любых поползновений со стороны «Варяга» и «Корейца», местным аборигенам как и большинству моряков с иностранных стационаров было все равно.

В начале фарватера «Кореец» разошелся на контркурсах

с давшим два коротких прощальных свистка британским катером, спешившим вернуть commodora Бейли на свое место в партере – мостик «Тэлбота». Он за прошедшие три часа успел обрадовать контр-адмирала Уриу, что добыча достанется японцам без боя и в неповрежденном состоянии. Все, что нужно для этого сделать – не стрелять первым, проявить твердость на переговорах и не поддаваться ни на какой блеф со стороны Руднева, ибо русский будет всячески стараться спасти честь мундира. А обо всем остальном уже позаботился он, многомудрый Льюис Бейли. Коммодор был в приподнятом настроении. Хорошая прибавка к жалованью и безбедная старость ему были обеспечены. При пяти процентах годовых даже от пары процентов стоимости крейсера чистый доход составит никак не меньше тысячи двухсот фунтов в год! В общем, британец был полностью погружен в свои счастливые мысли.

* * *

Как и было обещано, «Варяг» под напряженными взглядами с мостика «Асамы» отдал кормовой якорь на границе нейтральных вод. За ним бросил оба носовых якоря «Сунгары». Когда течением пароход развернуло поперек фарватера, был также отдан и кормовой якорь. Команда подтянула к борту шедшие до этого на буксире шлюпки, зачем-то сразу четыре, и стала демонстративно перебираться на «Варяг».

От глаз Уриу не укрылось то, что шлюпки были с крейсера, но на боканцы их не поднимали.

«Блефуйте, блефуйте... Хоть бы шлюпки на борт подняли, а то все белыми нитками шито, – усмехнулся про себя Уриу, прибывший для переговоров на стоявший ближайшим к противнику броненосный крейсер «Асама». – Хотя, если бы не предупреждение Бейли, вынужден признать, было бы неприятно выбирать между необходимостью обеспечить бесперебойное функционирование порта и уничтожением «Варяга». Хвала Лучезарной Аматерасу, кажется, сегодня получится и то и другое без потерь в кораблях.

Неплохое начало войны, крейсера еще пригодятся Японии. Вряд ли все остальные русские командиры окажутся трусами под стать этому Рудневу. Решающие битвы еще впереди, а их «Варяг» станет самым мощным бронепалубным крейсером в составе императорского флота».

Не дойдя до «Асамы» примерно шесть кабельтовых, бросил наконец якорь и «Кореец», шедший с флажным сигналом по международному своду «Высылаю парламентаря для переговоров».

На мостике «Асамы» некоторые офицеры крейсера и штаба отряда были весьма обеспокоены чрезмерным сближением с потенциально враждебным кораблем. Что и понятно, ведь в детали своего общения с командиром «Тэлбота» контр-адмирал их не посвящал. По мере неторопливого приближения русской канонерки чуть было не занервничал все-

рьез и сам Уриу. И только разглядев на палубе «Корейца» зачехленные орудия и почти полсотни слонявшихся без дела моряков, с любопытством глазевших на «Асаму», контр-адмирал отменил уже отданный командиром крейсера приказ о наборе и подъеме сигнала «Стой, или открою огонь».

В конце концов, главное – не сорвать удачное начало переговоров. И так вчера приняли выход из бухты «Корейца» за попытку помешать десантным транспортам. Нервы на пределе, оно и понятно – первый день первой войны с великой европейской державой. Это не китайцев гонять, что для самураев привычно. И как там все складывается у Порт-Артура? Известий от командующего пока нет. Вздвигаются все.

По этой причине Уриу отказал командиру «Асамы» капитану первого ранга Ясиро в просьбе разрешить навести на «Кореец» орудия главного и среднего калибра. Один слишком нервный наводчик – и прощай бескровная победа и целый трофей. В конце концов, эта старая лодка все равно ничего «Асаме» не сделает, а пугать русских до начала переговоров не стоило. Рано.

В бинокль было видно, как с «Корейца» на катер, до этого шедший за ним на буксире, перебрался офицер. «Наверное, сам Руднев пожаловал, раз ради него погнали канонерку, кого попроще отправили бы сразу на катере», – ехидно подумал Уриу, представив, как русский каперанг при параде, в треуголке и со шпагой будет карабкаться по бортовому трапу у переднего среза. Кормовой, по понятной причине

полной боеготовности корабля, никто на японском флагмане ставить не собирался.

Но русских, находившихся в катере, отсутствие парадного трапа, похоже, ничуть не смутило. Сначала они нахально подошли к корме «Асамы» и только потом, так и не дождавшись его спуска, продвинулись вдоль борта вперед и ошвартовались под баковым бортовым трапом у носового каземата японского крейсера. Судя по тому, с какой скоростью плелся катер и как обильно при этом дымил, его машины и правда были не в лучшем состоянии. Бейли, скорее всего, не обманул и в отношении технического состояния «Варяга».

Неожиданно сноровисто поднявшийся на борт молодой офицер с лихо подкрученными усиками был встречен на баке крейсера лейтенантами Иида и Нарута, после чего немедленно препровожден на мостик к контр-адмиралу. Откозыряв и представившись лейтенантом Берлингом, он заявил, что прибыл для вручения послания командира «Варяга» лично в руки японского командующего.

«Странно, – с легким привкусом раздражения отметил Уриу, – вообще-то, по логике вещей, на переговоры о капитуляции Руднев должен был прибыть сам. Или он ожидает на «Корейце» проведения второго раунда, а его лейтенант – не более чем прощупывание почвы? Интересно, догадывается ли этот молодой человек о том, что их ждет? Скорее всего, нет, уж больно дерзко и самоуверенно смотрит».

Примерно представляя себе общий смысл послания,

японский адмирал неторопливо, смакуя момент, вскрыл его. На единственном вложенном листке был текст следующего содержания:

Контр-адмиралу Императорского японского флота, младшему флагману второй боевой эскадры и командующему отрядом кораблей на рейде в Чемульпо Уриу Сотокичи.

Сэр! Ввиду начала военных действий между Японией и Россией, о чем вы меня любезно уведомили, и нарушения Вашими боевыми судами нейтралитета корейского порта Чемульпо, я имею честь почтительнейше просить вас капитулировать и сдать вверенные вам суда не позднее 18:00 27 января 1904 года.

В связи с высадкой японских войск в порту Чемульпо предложить вам вариант разоружения и интернирования не имею возможности. В случае вашего отказа я буду вынужден уничтожить Ваши суда всеми доступными мне средствами.

*Имею честь быть Вашим почтительнейшим слугой.
Командир крейсера «Варяг»
Императорского российского флота,
старший начальник над всеми российскими
кораблями
и судами на рейде Чемульпо,
капитан первого ранга В. Ф. Руднев⁹.*

⁹ Копии ультиматума были по почте отправлены командирам всех иностранных стационаров. С припиской, что на «Сунгари» загружен взрывоопасный груз, и

По мере чтения в голове Уриу выстраивались и рушились десятки идей и теорий: «Если это капитуляция «Варяга», то я – император Кореи! Черт бы побрал Бейли и Руднева, они что, заодно?! Маловероятно... Но даже если так, то в какие игры они играют? Зачем передавать мне мой же, немного переделанный, ультиматум? Эскадра готова к бою, «Варяг» без хода, шансов у него как не было, так и нет. Вернее их стало меньше чем «нет» – русский крейсер стоит на якоре под прямой наводкой моих орудий...

Что они этими глупостями выиграли? Полчаса времени? Или это обещанный Бейли блеф Руднева? Но почему тогда такой наглый и глупый? И зачем «Кореец» обвешан парусами и выглядит как пугало, а не боевой корабль? Впрочем, возможно, это объясняет, почему прислан лейтенант. На второй раунд стоит ожидать кого-либо посерьезнее, того, кто может сам принимать решения», – при этом ни один мускул не дрогнул на бесстрастном лице контр-адмирала.

«Восточная школа, – подумал про себя Берлинг, – как жаль, любезнейший, что я не увижу выражение твоего лица минут через двадцать. Ну, ничего, обойдусь собственным воображением. Главное, что «подарочек»-то уже на месте, а ни ты, ни твоя камарилья ничего не заметили...»

– Передайте вашему командиру, господин лейтенант, что

в случае, если японцы не сдадутся, рекомендуется к нему не приближаться. Проблема только в том, что в Чемульпо почта работала не очень оперативно и о предупреждении стало известно с запозданием в два дня.

я готов обсуждать только капитуляцию ЕГО кораблей. Но не моих. Все, на что он может рассчитывать – это пропуск «Сунгари» с некомбатантами в ближайший нейтральный порт под конвоем одного из моих крейсеров. «Варяг» и «Кореец», так или иначе, останутся в Чемульпо, а вот на поверхности моря или на его дне – зависит от вашего начальника, капитана Руднева. Это мое последнее слово. И пусть в следующий раз потрудится прибыть сам, потому что его время истекает. Если через час мы не придем к соглашению, я открываю огонь. Все ли вам ясно?

– Так точно! Господин контр-адмирал, господа офицеры, разрешите откланяться, честь имею! – Берлинг, который, казалось, совсем не был удивлен услышанным, коротко козырнул, ответив столь же незаметным кивком головы на «микроскопические» прощальные поклоны японского адмирала и его офицеров, после чего, сопровождаемый лейтенантом Нарута, быстро спустился с мостика, направляясь к трапу.

В момент отхода катера от борта «Асамы» русская канлодка начала поворот на малом ходу на курс, позволявший его подобрать. Но катер не сразу повернул к ней, а продолжал некоторое время двигаться вперед, держась прямо по носу японского крейсера.

«Боятся, что машина не сможет выгрести против течения и их снесет, – усмехнулся про себя Уриу. – У англичан полчаса назад таких проблем не было. Все же, русские – не машинная нация. Тот же «Кореец» – ну, какой идиот дает ход,

не подняв заранее якорь? Развернуться-то так еще можно, но вот тронуться с места нельзя, пока не порвется якорная цепь. Странно, а где, собственно, цепь? Вот идиоты, они утопили якорь!»

В этот момент с катера, который, пыхтя, продолжал удаляться от «Асамы», оставляя за собой хорошо видимый шлейф черного дыма, взвилась в зимнее небо ракета. «И что же сообщает этот невозмутимый лейтенант своему командиру таким образом? Что теперь наглецу Рудневу самому предстоит карабкаться по нашему бортовому трапу, наверное...» Это была последняя неторопливая и довоенная мысль контр-адмирала Уриу.

«Кореец» моментально спустил сигнал о переговорах, на обрубленные стены мачт взлетели боевые Андреевские флаги, и, едва они успели дойти до места, как на носу канонерки вспухли клубы порохового дыма от залпа двух восьмидюймовок¹⁰ и носового торпедного аппарата! Примерно через секунду 88-килограммовый фугасный снаряд, разорвавшийся на мостике «Асамы», отправил контр-адмирала в нокаут. Среди погибших оказались командир, старший

¹⁰ Орудие 8"/35 (35 – длина ствола в калибрах) сконструировано Антоном Францевичем Бринком в 1885 году. Эти пушки устанавливались на броненосных крейсерах «Адмирал Нахимов» (8 шт.), «Память Азова» (2 шт.), «Рюрик» (4 шт.) и на канонерских лодках «Донец», «Запорожец», «Кореец», «Кубанец», «Маньчжур», «Уралец» и «Черноморец» – по два орудия на каждом корабле. К началу войны с Японией они уже считались устаревшими, однако имели над новыми более скорострельными системами одно важное преимущество: их исправно взрывавшиеся снаряды почти в центнер весом.

офицер и старший артиллерист японского крейсера, а также оба флаг-офицера штаба Уриу – капитан-лейтенант Мацуи и лейтенант Иида. Централизованного управления японским отрядом больше не существовало...

Второй снаряд первого залпа канлодки также ударил в носовую часть «Асамы», промахнуться с четырех кабельтовых было сложно, но попал он не так удачно – в борт на срезе, в паре метров от трапа, по которому недавно спускался лейтенант Берлинг.

Уриу пришел в себя через минуту, как раз к моменту взрыва самодвижущейся мины, выпущенной русскими. Увернуться стоявший на якоре крейсер, естественно, не мог. Причем очевидцы утверждали, что взрывов было два, и, что уж совсем ни в какие ворота не лезет, первый взрыв якобы произошел за несколько секунд ДО попадания мины с «Корейца», что потом долго, нудно и упорно отрицалось российской стороной.

Глава 4

Обратная сторона Луны

Рейд Чемульпо, Корея. 26 января 1904 года, 18:15–19:35

– Итак, господа, положение вам ясно. Уриу нам уйти не даст. Я бы на его месте точно не дал. Прорваться лихим кавалерийским наскоком, как предлагает большинство из вас, мы не сможем физически. Я надеюсь, о состоянии машин все помнят? Двадцать два узла на два часа – вот наш предел, и то, никакой гарантии, что машины не скиснут раньше, наши механики дать не могут. А если и дали бы, так я не поверю.

О результатах наших состязательных стрельб с «Аскольдом» все помнят? Да и у Роунда нечем было особо похвалиться, Сергей Валериянович, – Руднев кивнул в сторону старарта лейтенанта Зарубаева, – кроме того, как старший артиллерист, уж вы-то должны прекрасно понимать, что существенного вреда «Асаме» мы причинить не сможем. Его четыре восьмидюймовых и семь шестидюймовых орудий в бортовом залпе уничтожат всю нашу ничем не прикрытую артиллерию, до того как мы подойдем на дистанцию, с которой шестидюймовки «Варяга» смогут пробить гарвеевский¹¹

¹¹ *Гарвеевская броня* – броневая сталь, лицевая поверхность которой для придания прочности насыщалась углеродом. Нагретый почти до температуры плавления лист выдерживали несколько недель в контакте с углеродистым веществом, например углем. После этого, путем многократной закалки маслом и во-

броневой пояс и башни японца. А туда же: «Нанести повреждения нескольким кораблям противника...» Скромнее надо быть, господа! Скромнее... Итак, в лоб нам не пройти даже «Асаму». Поэтому уподобляться гороху, бросаемому об стену, мы не станем...

– Всеволод Федорович, вы что? Предлагаете нам сдаться?!

– Я надеюсь, что господин Уриу другого выхода из нашего положения тоже не усматривает. Вот от этого и будем плясать. Я завтра попробую задурить голову коммодору Бейли и убедить его попросить Уриу подпустить «Кореец» для отправки офицера на катере. Для переговоров о сдаче. Вот только японец будет ждать нашей капитуляции, а мы в своем ультиматуме потребуем... сдать его эскадру! И что такого смешного? Ничего? Тогда я продолжу с вашего позволения, господа?

Под катером за ночь надо скрытно подвесить ту самую гальваноударную мину, что не перегрузили на «Сунгари». Взрывать ее будем гальванически после отхода парламентаров от «Асамы», поэтому на катере пойдет наш минер, лейтенант Берлинг. «Асама» – главный противник для нас и са-

данными брызгами, насыщенная углеродом лицевая сторона становилась сверхтвердой, в отличие от более мягкого внутреннего слоя. Этот процесс, получивший название цементации (науглероживания), был изобретен американцем Г. Гарвеем в 1890 году. В конце XIX века гарвеевская броня широко применялась в кораблестроении, но была вскоре вытеснена более совершенной крупновской броней. Крупп добился и значительного сокращения времени термохимической обработки. Сравнительные испытания показали, что по сопротивляемости снарядам 25,9 см брони Круппа соответствуют 30,5 см брони Гарвея.

мый мощный японский корабль у Чемульпо. И я не сомневаюсь, что переговоры Уриу будет вести на его мостике.

– Всеволод Федорович! Господин капитан первого ранга, но... Но ведь это же бесчестно! – почти выкрикнул Берлинг, как ужаленный вскакивая со стула.

– Вот как?! А запирать противника до объявления войны силами пятнадцати против двоих, даже полутора, все же «Кореец» по нынешним временам уже не полноценная боевая единица, а потом требовать выхода в море на «честный бой» под угрозой расстрела на нейтральном рейде – это честно, Роберт Иванович? А высаживать ДО объявления войны десант в нейтральном порту – это честно? Или эти миноносцы, стоящие сейчас с наведенными на нас минными аппаратами на виду у всех иностранных стационаров – это тоже честно? – Руднев резко взмахнул рукой в сторону иллюминатора, в который были видны готовые к бою японские корабли, расположившиеся между «Варягом» и своими разгружающими войска транспортами. Не я начал эту игру, господа. Но я буду играть по ТЕМ правилам, которые Уриу установил, как он думает, только для себя. И не волнуйтесь по поводу вашей чести. Перед любым судом, в том числе и перед судом офицерской чести тоже, в случае чего, отвечать только мне (вернее, Рудневу, шкуру которого я сейчас цинично подставляю, а что делать?.. На войне как на войне).

Так что, Роберт Иванович, не кипятитесь понапрасну, а сразу после нашего совета, не теряя времени, озадачь-

тес-ка со своим коллегой с «Корейца» лейтенантом Левицким «простенькой» задачкой: как вы будете эту мину ставить? Поскольку точной глубины фарватера в том месте, где завтра соизволит встать «Асама», ни я, ни вы не знаем, а вся операция будет проводиться под взглядами любопытствующих и очень внимательных японских глаз, обычный штерто-грузовой способ¹² постановки мины нам не подойдет. За нас будет только одно – мутная вода, в которой на глубине метра уже ни черта не видно. Поэтому даю подсказку – мину хорошо бы привести к нулевой плавучести на углублении в два – четыре метра. Так, чтобы ее течением прижало к корпусу. Скорость течения будет меньше узла, если рассчитывать на пять часов после полного прилива, но все же я бы предложил вам сколотить вокруг нее деревянную обрешетку. Чтоб ползла по борту помедленнее и потише. И об электропроводном шнуре не забудьте. Он по мере размотки не должен ни мину ко дну своим весом потащить, ни всплыть на

¹² Для постановки мин на заданное углубление тогда использовался автоматический штерто-грузовой способ, предложенный в 1882 году лейтенантом Н. Н. Азарьевым. Суть его заключалась в следующем. Размещенная на якоре мины выюшка (барабан с намотанным на него тросом для закрепления мины – минрепом) оборудовалась стопором, состоявшим из щеколды, пружины и штерта (куска тонкого троса заранее отмеренной длины) с грузом. При сбрасывании за борт мина, обладавшая положительной плавучестью, оставалась на поверхности. Под действием груза штерт оттягивал щеколду, что обеспечивало свободное сматывание минрепа с выюшки при погружении якоря. В момент касания грузом dna напряжение штерта ослабевало, и щеколда под действием пружины стопорила выюшку. Продолжая погружаться, якорь увлекал мину на глубину, которая точно соответствовала длине штерта с грузом.

поверхность. Так что расчет с ним особой точности требует.

Конечно, господа, вы, как профессионалы, можете предложить и иной способ минирования, только сперва убедите меня в его большей пригодности. Думайте. Но помните – от того, как и где ваш первый «подарок» для Уриу сработает, во многом зависит исход всего дела. Так что, Роберт Иванович и Александр Иванович, я на вас очень надеюсь. Все вам понятно, господа минеры?

– Так точно, господин капитан первого ранга!

– Вот и прекрасно. Теперь по «Корейцу». Как только катер с Берлингом отвалит от японца, ваши орлы, Григорий Павлович, должны расклепать якорную цепь, вернее, закончить расклепку. Затем вы ворочаете носом к «Асаме» и по черной ракете с катера, черной – чтобы нам с «Варяга» ее тоже было сразу видно, залпируете из обеих восьмидюймовок. Одновременно пускаете мину Уайтхеда. Ну и изо всей мелочи по мостику, естественно. Постарайтесь попасть хоть одним восьмидюймовым снарядом первого залпа в мостик. Это существенно усложнит им борьбу за живучесть, потому что большинство офицеров будут стоять там, наслаждаясь процессом нашей «неизбежной» капитуляции.

Если «Асама» будет надежно выведен из строя двумя минными взрывами и первым залпом «Корейца», попробуйте достать второй крейсер в японской линии. Если нет – извините, но вы должны таранить «Асаму», после чего рвать погреба. Другого выхода нет. «Кореец» с его скоростью – не

жилец при любом раскладе событий, так что из его неизбежной гибели нам надо извлечь максимальную пользу при минимальных потерях в людях. В море вам не прорваться. И назад не вернуться.

– А назад-то почему у «Корейца» не получится? Прикрываясь «Асамой». Разве мы их огнем не поддержим? – с металлом в голосе отчеканил Зарубаев.

– К этому моменту пути назад уже не будет. На фарватере будет лежать корпус затопленного «Сунгари», а за ним будут стоять мины заграждения.

– ПОЧЕМУ??? КАК?? Откуда они там возьмутся?

Но неожиданно вырвавшаяся из-под спуда субординации нервная разногласица офицеров была прервана донесшимся откуда-то басом. Вернее БАСОМ...

Повернувшись на голос, Карпышев узрел втиснувшуюся на кресло между бюро и книжным шкафом глыбу, причем отнюдь не жира, а мускулов. Рудневская половина сознания услужливо подсказала, что скромно молчавшее в уголке до сего момента ЭТО – младший инженер-механик с «Корейца», Иван Леонович Франк. А карпышевская подумала: «Увидел бы незабвенный Арик Шварценеггер этого простого русского человека, так, наверное, повесился бы с горя от осознания собственной физической неполноценности».

Хоть «корейский» мех и не был столь высок и накачанно-плечист, как австрийско-американский секс-символ восьмидесятых, но от всей его фигуры исходила потрясаю-

щая энергетика. В свои двадцать четыре года он уже успел прослыть лучшим бойцом по английскому боксу на эскадре, а хваткие пальцы его ручищи сгибали серебряный рубль пополам буквально за несколько секунд. При всем при этом Франк был человеком исключительно компанейским и добросердечным по натуре и судя по сразу заулыбавшимся лицам повернувшимся к нему офицеров, изрядным балагуром.

– Господа. Ну, уж коли начальство нас тут собрало, то оно нам, наверное, все растолкует. Если мы ему наконец-то позволим. Давайте, не будем прерывать нашего командира, а то самые горластые арест с приставлением часового схлопочут, а остальные до завтра не узнают, что за мины, кто, куда и кому их вста... Пардон, поставит...

Ну, для начала двадцатого века чувство юмора неплохое.

– Благодарствуем за помощь в утихомиривании нашего бардака, любезный Иван Леонович. Мы будем, как и положено, мины ставить. А вот вставлять... Вставлять фитили за это господину Уриу и всей его честной компании будет господин Того. Шаровые мины сейчас перегружают с «Варяга» на «Сунгари» вместе с катерными метательными минами, подрывными зарядами и прочей взрыво- и огнеопасной гадостью и ненужной взрывчаткой. Еще на него завозят весь цемент, который смогут сыскать в городе до утра. Потому как у парохода этого – особая роль...

– Григорий Павлович, – обратился Руднев к Беляеву, – как только «Кореец» откроет огонь по «Асаме», я прошу ваших

артиллеристов из ретирадного орудия стрелънуть перелетом пару раз по «Варягу» и стоящему рядом с ним «Сунгари». После падения снарядов, а их не смогут не заметить на «Паскале» и «Тэлботе», будут взорваны две гальваноударные мины, заложенные на пароходе. Его затопленный корпус существенно осложнит пользование фарватером, как минимум, до середины весны. А если на заграждении возле него еще кто-либо подорвется, то можно ожидать полной закупорки порта на месяц-другой. Вину за неудобства господам-стационарам свалим на неточный залп «Асамы» по «Варягу». Мины этого заграждения мы поставим, когда будем «эвакуировать» на шлюпках команду «Сунгари» на «Варяг». Чтоб веселее японцам было пытаться обойти утопленный на фарватере пароход. Думаю, пару месяцев господам-самураям будет не до высадки десантов в Чемульпо.

– Понятно, почему капитан «Сунгари» от вас красный, как из бани, вылетел! А не взгреет вас Старк за утопление собственного парохода? И потом, а как же стационары?

– Взгреет, не взгреет... Как говорит один мой приятель: «Ты сначала доживи». Будем в Артуре – будем об этом беспокоиться. А стационары посидят тут, пока японцы все это разгребать будут. Чай не помрут от безделья. Они нам очень помогли? Вот пусть и поскучают в этой дыре. И опять же – делаем большие глаза – это не мы, это японцы стрелять не умеют! Все претензии к ним!

– А цемент-то зачем на «Сунгари»?

– Когда судно затонет, из цемента получится бетон. А поднять со дна моря бетонную чушку нашим друзьям японцам будет гораздо труднее, чем порожний пароход... Смысл? Так, мелкая гадость... Далее. В связи с тем, что «Кореец» фактически идет на самоубийство, полная команда на нем ни к чему. Я предлагаю оставить половинный наряд машинной вахты и кочегаров, половину комендоров, полные расчеты только на восьмидюймовки, остальные – тоже сокращенные наполовину, как и у минеров, им все равно не удастся выпустить более одной мины. Остальной экипаж переведем на «Варяг», пригодятся при прорыве. Все масло и смазочные материалы у вас тоже заберу, Григорий Павлович...

– Всеволод Федорович, у нас же и так с казаками и севастопольскими будет почти полуторная команда, это не крейсер, а Ноев ковчег получится! Зачем? Передать на нейтральные суда не лучше ли будет? – подал голос молчавший до этого момента ревизор «Варяга» Черниговский-Сокол.

– Ну, во-первых, будет кем заменять оружейную прислугу, я прогнозирую в ней большую убыль, спасибо господину Крампу. Вернее, нашим умникам из-под шпица.¹³ Даст бог прорваться, первым делом сделаем щитовые прикрытия для орудий. А, во-вторых, есть одна задумка... Но об этом пока рано.

– Всеволод Федорович, а цементик-то в сунгарский трюм

¹³ *Шпиц* – жаргонное название у русских моряков в начале XX века Главного морского штаба, расположенного в здании Адмиралтейства.

прямо в мешках валить начали? – раздался ехидный, как обычно при обращении к «горячо любимому» командиру, голос старшего офицера.

– Да, Вениамин Васильевич, а что, собственно, вас смущает?

– Пустая затея, коли так. Мешки с цементом в монолит сами по себе не превратятся. Если уж вы потратили на эту затею казенные деньги, то могли бы приказать заранее подтопить трюмы и сыпать в воду гравий и цемент вперемешку. Тогда через сутки-двое, и правда, хоть плохонький, но бетон будет, а если сваливать как вы хотите, то японцам просто надо будет разобрать и выгрузить кучу слегка окаменевших мешков.

– Блин!!!

– Простите, Всеволод Федорович, не понял? Какой блин?

– Тот, который комом, конечно! Умоляю, сбегайте на шестерке на «Сунгари», там наш боцман Шлыков погрузкой распоряжается. Пусть распотрошат уже уложенные мешки и, действительно, надо подтопить немного трюмы. Прикажите ему, чтобы поторопил кули¹⁴ – пусть начинают и гравий сыпать вперемешку с оставшимся цементом, я у входа в порт видел кучу. Доплату пообещайте за переработку, и за шаланды портовые отдельно. Учитесь у старшего офицера, господа, не в бровь, а в глаз что называется...

¹⁴ Китайские поденные рабочие. Европейцы так называли, впрочем, и корейцев, и прочих азиатов, нанявшихся на те или иные подсобные работы.

– Господа! – со своего места решительно поднялся до сего момента сосредоточенно записывавший карандашом в толстую синюю тетрадь указания Руднева капитан второго ранга Григорий Павлович Беляев-второй¹⁵, командир «Корейца». – Господа, а не кажется вам, что Всеволод Федорович... Немного горячится, что ли? Ну, не выпустили нас сегодня японцы в море¹⁶, побоявшись за свои транспорты с солдатами, видимо. Почему обязательно война из-за этого начнется? Разве Корея российская? Да и наш посланник Павлов не знает, как теперь в Особом комитете это все развернут... Я, кстати, не уверен, что их миноносцы мины по мне пускали, чтоб потопить. Могли просто пугать, чтоб к транспортам их не пошел. Зря я, конечно, стрелял. Каюсь. Но они

¹⁵ Традиционно, в Российском императорском флоте все офицеры, носившие одну фамилию – и родственники, и однофамильцы – для удобства работы кадровиков, в первую очередь, получали к своей фамилии добавку в виде порядкового номера по старшинству их поступления на службу во флот.

¹⁶ 26.01.1904 года в 15:45 русская канонерка, посланная в Порт-Артур с депешами от посланника в Сеуле, на выходе с рейда Чемульпо встретила японскую эскадру в составе 6 крейсеров, 8 миноносцев и 1 авизо, конвоирующих в Чемульпо 3 транспорта. Прикрывая их, «Асама» встал поперек курса канонерки, а когда русские попытались обойти его по мелководью, миноносцы (по официальным русским данным, не признанным японцами) выпустили по ней три торпеды, две из которых прошли мимо, а третья затонула. На «Корейце» был подан сигнал «отражение минной атаки» и сделано два выстрела из револьверной 37-миллиметровой пушки. Японцы артиллерийского огня в ответ не открыли. Ввиду подавляющего превосходства противника, блокировавшего фарватер (позже японцы заявили, что опасались атаки «Корейца» на их войсковые транспорты), Беляеву пришлось вернуться на рейд Чемульпо.

мне весь фарватер перегородили своими пароходами. Люди на взводе, не выдержали... Может, все еще пронесет? Допустим, на Певческом мосту¹⁷ договорятся, а у нас что? Пароход КВЖД залит бетоном по планширь и утоплен на международном фарватере, на него же перегрузили и с ним утопили все гребные суда, кучу боезапаса, завтра еще нейтральный порт заминировем. А не будет войны, за это художество лубочное нам всем отвечать ведь! За такое, знаете ли, по головке не поглядят...

– Да не волнуйтесь вы так, Григорий Павлович, присаживайтесь, выпейте еще чаю. Вестовой! Тихон, братец, принеси-ка еще заварочки, да покруче сделай. Нам сегодня много чаю понадобится... А за свое, как вы явственно подразумевали, самодурство, я, если войны не будет, отвечу перед местником Алексеевым сам. И за пароход тоже отвечу. Его капитан так расстроился, что даже отказался принимать участие в нашем совете... Отвечу, если что, по всей строгости, как начальник отряда, и ни за чью спину прятаться не намерен.

Вот только, к сожалению, не перед начальством каяться нам придется, а придется воевать. Драться на смерть... Завтра с утра нам предъявят ультиматум: или выходим из Чемульпо – и Уриу нас топит, или не выходим – и тогда он топит нас прямо на рейде. Под осуждающими взглядами

¹⁷ Близ Певческого моста в Санкт-Петербурге в то время располагалось здание МИДа.

остальных стационаров, мол, русские – трусы, не вышли на бой, теперь нам могут случайными осколками краску поцарапать. Такие дела, господа...

Напряженное молчание собравшихся было прервано взволнованным голосом штурмана с «Корейца» мичмана Бирилева:

– Хорошо! Допустим, вы, Всеволод Федорович, правы, и война начнется завтра. Допустим, что, спрятав честь нашу в карман, мы сможем подорвать минами «Асаму». Но что потом? «Варяг» на полном ходу, значит, прорывается, а мы? Что нам-то делать? Особенно меня порадовал приказ о таране с последующим взрывом погребов. У нас на борту почти две сотни душ!

– Во-первых, любезный Павел Андреевич, война начнется не по моему желанию, а по японскому. Отменить я ее не могу, как бы ни хотел. А на войне, как вы понимаете, потери неизбежны. Поэтому всем нам нужно взять себя в руки. Прямо сейчас... Это насущно необходимо для того, чтобы скорее закончить ее с единственно приемлемым для России финалом – скорой и неоспоримой нашей победой. Во-вторых, специально для вас повторяю, полная команда «Корейцу» не нужна. Кстати, душ у вас на борту не две сотни, а сто семьдесят три. Плюс кот и канарейка. Итого сто семьдесят пять. Впрочем, вы ведь на канонерке меньше месяца, могли и не успеть всех сосчитать...

Расчеты носовых восьмидюймовок, это, простите, наш

единственный шанс, нужны полные. Кормовой шестидюймовке достаточно сокращенного, вряд ли ей много придется стрелять, то же самое с малокалиберками. Машинистов и кочегаров тоже половины хватит, полного хода вам держать не надо, но маневрировать надо точно. Минеров – чтобы обеспечить один выстрел и, пожалуй, все. Оставьте добровольцев. Из офицеров я вынужден забрать штурмана, старшего офицера, артиллерийского офицера и врача.

– Лекаря-то зачем забираете, Всеволод Федорович? Как нам с ранеными быть? – мрачно поинтересовался, взглянув изподлобья на Руднева, худощавый, напоминающий мадьяра или цыгана, мичман Бутлеров, вахтенный начальник канлодки.

– На стационарах есть свои врачи, Александр Михайлович, а у меня, боюсь, будет раненых с полкоманды. Так что не обессудьте... Теперь вернемся к планированию боя. Допустим, что «Асама» после взрыва двух мин, вашей и Берлинга, будет выведен из строя. Как я уже говорил ранее, в этом случае, вы обстреливаете следующего противника. Думаю, им будет «Чиода»: во-первых, как-никак тоже поясной крейсер, во-вторых, скорость не позволяет ему быть в роли «гончей», если мы вдруг прорвемся. Я бы порекомендовал для каждого залпа «высовываться» из-за корпуса «Асамы», а для перезарядки сдавать задним ходом, прячься за ним. Тогда преимущество в скорострельности 120-миллиметровок «Чиоды» будет скомпенсировано, зато пары ваших фу-

гасных 8-дюймовых бомб ему для выхода из строя вполне может хватить. Да, и не забывайте любое шевеление на палубе, в казематах и на марсах «Асамы» пресекать огнем ретиральной¹⁸ пушки, всей противоминной мелочи и даже винтовок, а то прозеваете один-два восьми- или шестидюймовых снаряда, и – поминай как звали.

Как только вы получите повреждения, после которых ведение боя будет невозможно, направляйте брандер имени «Корейца» на «Асаму», чтоб японца этого потом подольше поднимали и чинили, сажайте команду в шлюпки, поджигайте запальные шнуры, заранее отмерив пять минут, и гребите к Чемульпо. Если до «Асамы» дотянуться не сможете – топитесь на фарватере. Но в этом случае крюйт-камеру лучше не рвать. Может разнести корабль на кусочки, а сейчас любое крупное препятствие, блокирующее судоходство в Чемульпо, будет костью в горле у япошек при высадке армейского десанта. Тем более, что им здесь, кроме местного порта и высаживаться особо негде.

– Могут по глубинам в бухте Асан, хотя там с пирсами проблема... – задумчиво протянул Бирилев.

– Вот-вот! Там им серьезно повозиться придется. Да и до Сеула еще топать. Но это будут их проблемы. Вернемся к нашим. Мне вовсе не нужно, чтобы моряки «Корейца» героически погибли. Наоборот, они должны выжить и рассказать НАШУ версию событий. Иногда на войне это важнее,

¹⁸ То есть находящейся на корме и стреляющей при отходе – ретирале.

чем выигранное сражение. А по поводу тарана... Я думаю, про бриг «Меркурий» и пистолет Казарского все помнят?¹⁹ Так вот, если мы хотим выиграть эту войну, командир любого японского корабля, даже «Микасы», должен после нашего завтрашнего боя бояться сблизиться с любым самым занюханым русским миноносцем! Как турки боялись! Да и шансы на выживание не знаю где выше, на «Корейце» или на «Варяге», где лично вам, Павел Андреевич, придется завтра быть.

– На крейсере труса праздновать?! Своих погибать бросив? Да вы... – обиженно вскинулся было Бирилев.

– Не говорите глупостей, молодой человек! Просто мне дозарезу нужен на борту еще один штурман. Зачем – простите, позже. Но это приказ. А «Корейцу» штурман уже ни к чему, дедушке с рейда завтра не уйти...

– Всеволод Федорович, вот все-таки... Неужто вы точно знаете, что нам завтра идти в бой смертный! И кто вам это сказал? Ведь японцы и специально слух пустить...

¹⁹ Весной 1829 года маленький русский бриг был атакован двумя линкорами турецкого флота. Перед неравным боем, в котором у «Меркурия» почти не было шансов, его командир, Александр Иванович Казарский, положил у кюйт-камеры заряженный пистолет, наказав: «Если положение станет безнадежным, то я или тот из офицеров, кто останется в живых, должен выпалить из этого пистолета в кюйт-камеру, до этого свалившись на абордаж с ближайшим турецким кораблем». Когда после боя бриг оторвался от турок, он разрядил его выстрелом в воздух... Но и Казарскому было на кого равняться, если вспомнить подвиг капитана Сакена, именно так взорвавшего свою дуббель-шлюпку в момент взятия ее на абордаж шведами.

– Вениамин Васильевич. Верите вы или не верите, но драку по сценарию «семеро на одного» на завтра нам всем уже заказали. Я это ТОЧНО знаю. Откуда – не ваша забота. И, простите великодушно, вы уже вернулись с «Сунгари» или все еще на пути туда? Ваша же идея с бетоном, любезнейший, – вам и выполнять. Инициатива – она наказуема!

Нервные смешки собрания медленно, но верно переходили в нормальный здоровый смех, чего, собственно, и добивался командир крейсера, как бы его ни звали. Обе его персоналии наперебой голосили, что с техническими деталями можно разобраться и попозже, а вот поднять дух команды и, особенно, офицеров перед предстоящим испытанием требуется прямо сейчас.

– Простите, ради бога, замешкался, вернее, заслушался. Вас послушать, так вы к этому дню будто год готовились! Только без меня больше ничего важного, пожалуйста, не обсуждайте, хорошо?

– Христом Богом клянусь, будем пить «адвокатов»²⁰ и музицировать! Все, кроме господ минеров. А готовился... Готовился не год, а всю жизнь. Как и вы, господа.

– Музицировать?!

– Так точно, господа офицеры. Кто у нас силен на рояле? Из «корейских» никто нашему Эйлеру конкуренцию не составит? Да знаю я, что у вас там лучшая солистка – певчая канарейка, а Степан Иванович больше гитару предпочитает.

²⁰ «Адвокат» – на флотском жаргоне, крепкий чай с лимоном и коньяком.

Значит, Дмитрия Павловича и будем просить... Мне тут давно пришла в голову идея гимн «Варяга» написать, а сегодня, по возвращению «Корейца», как обухом по голове ударило, повод-то какой! Вот вроде что-то получаться стало²¹, давайте вместе попробуем. Я постараюсь напеть, а вы, будьте любезны, подберите ноты.

– Какие ноты?! Дел же невпроворот, а вы музицировать, Всеволод Федорович!

– Больше скажу. Завтра надо будет до обеда и команду обучить песне. Им она пригодится дух поднять, помирать русскому человеку с музыкой всегда веселее. Считайте это моей командирской блажью. Но, господа, команда должна идти в бой не потому, что она должна. Люди должны в него рваться! Тогда завтра у нас всех будет шанс...

* * *

В сгущающихся вечерних сумерках рейда Чемульпо впервые звучала песня «Варяга». Песня, пришедшая сюда из другого времени, или даже из другого мира... И пусть карты уже лежали немного иначе, пусть мелодия не на все 100 % совпала с той, что Петрович помнил с детства («Эх, как я в третьем классе дрался с братьями Ким из-за «узкоглазых чертей», любо-дорого вспомнить!»), но ее пели именно те люди,

²¹ Слова Р. Грейнца, перевод с немецкого Е. Студенской, музыка А. Туришева.

у которых было на это больше прав, чем у любых других исполнителей во все времена.

Наверх вы, товарищи! Все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Все вымпелы выются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,
Готовятся к бою орудия в ряд,
На солнце зловеще сверкая.

Из пристани верной мы в битву идем,
Навстречу грозящей нам смерти,
За Родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти!

Свистит, и гремит, и грохочет кругом,
Гром пушек, шипенье снарядов,
И стал наш бесстрашный, наш верный «Варяг»
Подобен кромешному аду!

В предсмертных мученьях трепещут тела,
Вкруг грохот, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем огня...
Настала минута прощанья.

Прощайте, товарищи! С Богом, ура!

Кипящее море под нами!
Не думали, братцы, мы с вами вчера,
Что нынче уснем под волнами!

Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят в века
Геройскую битву²² «Варяга».

²² Карпышев, оказавшись на месте Руднева, вовсе не собирался вести свой крейсер и его экипаж на гибель, пусть и героическую. Поэтому и заменил в тексте песни из нашей истории слово «гибель» на слово «битва», а фразу «умрем под волнами», на «уснем...», что соответствовало смыслу и обычаю похорон в море погибших в бою моряков.

Глава 5

Разворошенный муравейник

Рейд Чемульпо, Корея. 26–27 января 1904 года. 20:00–00:35

– Всеволод Федорович, при всем моем уважении, но вы сошли с ума!!! Это уже ни в какие ворота не лезет! Нигде, ни в одном уставе ни одного флота, я не слышал об упоминании подобной чуши! Я отказываюсь заниматься этим! Простите великодушно, но вам надо скорее показаться врачу для освидетельствования на предмет полного и неповрежденного рассудка! Может, нам еще и подштанники команды вдоль всего борта натянуть, чтобы восьмидюймовые снаряды назад к японцам отлетали? Ну, кто вам сказал, что у японцев будет настолько повышенная чувствительность взрывателей, кто?!

«Как знакомо! Прямо любимый Цусимский форум на сто восемь лет вперед, только вот в морду там с экрана получить нельзя было, а тут очень даже можно, господин старший офицер пошел на принцип...»

– Вениамин Васильевич, умоляю, расслабьтесь, выпейте стаканчик коньяку. Вам можно, вам орудия не наводить, и давайте на полтона пониже, хорошо? Чем вам не нравится идея завалить перед боем леера и, главное, натянуть вдоль борта НАД ватерлинией противоминные сети с койками в

ячейках? Как нам это может навредить?

– Да весь мир будет смеяться! Что же это за крейсер, который идет в бой, вывесив за борт противоминные сети с койками? Как нам это поможет, кроме того, что нас обсмеют? И потом, вы предлагаете на выстрелах вывесить сети над ватерлинией, то есть их придется обрезать и по прямому назначению потом использовать уже нельзя будет, так как они будут слишком коротки, правильно? Опять перевод корабельного имущества?

– Зачем резать? Сложить вдвое – и все дела.

– А ВСЕ леера завалить? Это ладно, хотя полкоманды за бортом может оказаться на первом же повороте, но тут хоть смысл есть, да и заваливаются они. А вот зачем весь этот цирк с койками и сетками, простите великодушно, не улавливаю-с.

– Запарили вы меня с ревизором да баталером этим имуществом! Наша задача – уберечь крейсер! Корпус, машину, пушки и людей! Этого достаточно, и это уже очень сложно! Практически невыполнимо, черт подери!!! Все остальное: якоря, сети, уголь, настил палубный – для боя и похода не критично; при необходимости в жертву нашей задаче принесем и не поморщимся. Зарубите себе на носу! Мне надо, чтобы сети прикрывали надводный борт до уровня батареи, чтобы наши пушки могли свободно действовать при этом...

Поймите же, у японских снарядов отмечена повышенная чувствительность, они взрываются, попав в любое препят-

ствие, причем мгновенно. Если на пути такого снаряда, за пяток футов до его попадания в борт, окажутся койка, трос или кольца противоминной сети, то он взорвется там. Нам грозит душ из осколков, это неприятно, но переживем. Все одно лучше, чем дыра в борту и поврежденные взрывом механизмы за ним! А леера вообще будут ловить те снаряды, что пролетели бы мимо без взрыва.

– Но как я вам подниму сети до уровня батареи? Я же не волшебник! Выстрелы устроены так, чтобы обеспечить постановку противоминного заграждения, понимаете? Противоминного!!! А мины, они не по воздуху летают, они под водой ходят!

– Прикрутите на выстрелы кронштейны, отведите их от борта, только не на прямой угол, а градусов под сорок пять. Нам не нужно, чтобы они были заглублены в воду. Вода сама вызовет детонацию... Вы, в конце концов, офицер Русского императорского флота! Думайте! Задача вам поставлена, целесообразность объяснена, хотя я и этого делать не был обязан, потрудитесь, наконец, обеспечить ее выполнение. Дуться на меня будете после боя. Обещаю, если идея не сработает, на том свете перед вами извинюсь. Хоть в раю, хоть в преисподней. А если сработает, то вам разрешаю не извиняться. И потрудитесь вашу изобретательность и логику впредь направить на выполнение моих приказаний, а не на их оспаривание. Мне еще на «Корейце» объяснять то же самое, а времени у нас в обрез.

– Что, и «Корейца» несчастного тоже будете декорировать кочечками в противоминных сетях?

– Нет, у них проще будет, у них паруса есть, если помните. Несколько слоев парусины будет достаточно, хотя и не так эффективно – первым же взрывом разметает... А у нас, может, выдержит даже пару-тройку попаданий.

– Да ни черта это не сработает! Пролетит снаряд сквозь вашу сеточную и парусную декорацию, как через бумагу, и не заметит. Только и «пользы» с этой затеи, что пластырь под пробоину потом труднее подводить будет из-за всей этой вашей «мудрости», Всеволод Федорович!

– Если бы мы говорили о русских снарядах, то да, пролетит и не заметит. Им что койки, что борта, что броня не слишком толстая – один черт не взорвутся. Наши «мудрые» головы погорячились с тугим взрывателем. Ну да, какие головы, такие и трубки, это вполне логично. Но вот японцы погорячились в противоположном направлении! Их новые снаряды взрываются при любом контакте, с любым препятствием, поймите же наконец!

– Ну, кто? Кто вам это сказал?! Из-за кого мне опять аврал команде объявлять? Старк? Генерал-адмирал? Наш морской агент в Японии Русин?

– Простите, но у меня свои источники, очень серьезные, и я дал слово их не раскрывать. Мы обязаны проверить эту идею, если сработает – нам лишней шанс на выживание, если нет – ничего не теряем.

– Ну так уж и ничего! А намотаем вашу гадость на винты? Представляете себе картинку, крейсер идет на прорыв с винтом, обмотанным его же противоминными сетями, которыми он собирался ловить шестидюймовые снаряды противника, как бабочек сачком!!! Вам самому не смешно?

– Риск – дело благородное. Порежьте тогда сети на секции, и привесьте к ним грузы, будут обеспечивать лучшее натяжение и топить сорванные с выстрелов секции до того, как те затянет к винтам. Койки всплывут, сеть утонет... Опять скажете «невозможно»?

– Можно. Был бы в этом толк, все можно... Но за испорченные сети...

– Слушайте, сколько можно, в самом деле? Еще раз о безвременно утраченном имуществе напомнит мне кто-нибудь, самолично за борт выкину! Предварительно пристрелив, чтоб больше не перечил командиру. И предупредите об этом ревизора нашего.

– Так вы, Всеволод Федорович, сами же нам говорили, что «сохранность вверенного нам казной имущества превыше всего»! И не раз. Не раз!

– А «в мирное время» я не добавлял случайно?

«Черт бы подрал моего предшественника с его меркантильно-чиновничьими интересами! С такой бы энергией команду гонял на предмет стрельбы и порядка в машинном отделении, сейчас бы у меня был самый боеспособный крейсер Российского флота, а не самый «комплектный по спис-

ку». Формалист фигов!» – в который раз пронеслось в голове Руднева в адрес самого себя прежнего.

– Да вроде нет...

– Значит, ПОДРАЗУМЕВАЛ, черт меня подери! А сейчас у нас война! И распорядитесь катер к трапу подать, мне еще на трамп наш обреченный заскочить надо, проверить ваши организаторские способности. И на «Корейце» такой же, как сейчас с вами, развеселый разговор предстоит... Да, и, само собой, не задействуйте в аврале кочегаров «Варяга» и орудийную прислугу. Попробуйте справиться силами команды «Сунгари», севастопольцами, корейскими, что у нас на борту, палубными матросами и казаками. Им в бою особо делать нечего будет, пусть сейчас поработают.

* * *

На борту «Сунгари» корейские кули, деловито погоняемые русскими моряками во главе с двумя боцманами, сунгарским и с «Варяга», готовили пароход к безвременной кончине. А в это время на мостике его капитан изливал душу Рудневу.

– Я понимаю, что необходимо. Я понимаю – или это старое корыто, или новый крейсер, один из лучших на флоте. Я понимаю – мы не утопим, так или японцы расстреляют, или, того хуже, себе заберут и будут снаряды возить, которые потом на русские головы полетят. Но все одно, своими руками

свой же корабль готовить к утоплению – это, ну, как будто старого друга предать! Может, для вас, Всеволод Федорович, это просто груда железа в полторы с лишком тысячи тонн водоизмещением, но для меня...

– Для вас она – то же самое, что для меня «Варяг». Старый и верный товарищ. Прекрасно понимаю, и, поверьте, сочувствую. Даст бог, прорвемся – лично попрошу государя присвоить имя геройски погибшего «Сунгари» новому пароходу КВЖД или Доброфлота, а вас поставить капитаном. А может, мобилизую вас в военный флот и захвачу вам крейсер у японцев! Примете командование?

– Ну, если вы так ставите вопрос, то приму. Только ежели назовете «Сунгари»! Только вот, чтоб кого с мостика трампа да под эполеты... На крейсер! Шутить изволите, однако, господин каперанг! На Императорском флоте мне за все про все выше прапорщика по адмиралтейству не прыгнуть, сами знаете. Да и имена кораблям флота сам император присваивает. А он, поди, про такую речку и не слыхивал даже. И про нас с «Сунгари» вряд ли кто вспомнит. Да еще неизвестно, как она, война-то, повернется. Так что мне не до шуток, поверьте. Мало того, что куска хлеба лишаете, а за это еще перед супругой ответ держать, так еще и смеетесь над моей бедой...

Грустный сарказм в голосе капитана был практически нескрываем.

«Ну что ж, я бы на его месте тоже не поверил. Но теперь,

как придет время, смогу поймать на слове. А в эти времена слово совсем не такой пустой звук, как в мои».

– А и договорились, пожалуй! «Сунгари» так «Сунгари». Только судно не я у вас отнимаю, а япошки, будь они трижды неладны. И давайте, пойдем посмотрим, что в трюмах творится, чтобы нервы друг другу понапрасну не тянуть.

– Что велели-с, Всеволод Федорович! Разгром и грязь! Вот что там творится. Водонепроницаемые переборки разбиты, двери вырваны с мясом, между котлами мина ваша, будь она неладна! Очень надеюсь, что лейтенант Берлинг свое дело знает, и так кочегары боятся работать. Еще в кладовых куча вашего взрывоопасного барахла и вторая мина, вся опутанная проводами, как гирлянда на иллюминации по случаю коронации государя, да-с, имел честь присутствовать. В грузовых трюмах еще хлеще, сначала в мешках цемент сваливали, хоть какой-то порядок был. Так прибежал ваш малахольный старший офицер, прости господи, наорал... Чуть очки свои не потерял, по трюму шарахаясь, потом приказал распороть мешки да еще и затопить трюмы почти наполовину. Сейчас туда вообще мусор и камни со всего порта корейцы стаскивают. Обидно, всю жизнь был чистый и аккуратный пароход, а перед смертью в помойку превратился. Мы с вами, наоборот, завтра в чистое переоденемся, а «Сунгари» вот так вот... Жалко его, одним словом. Ну, пройдемте, добро пожаловать к нам на шестой круг ада, господин капитан первого ранга...

Внутренние помещения парохода представляли собой квинтэссенцию беспорядка и разрушения. Особой пикантности обстановке добавляла 190-килограммовая тушка гальваноударной мины образца 1898 года между котлами. Два десятка ее близняшек на палубе уже попарно крепились к днищам переданных с «Варяга» и «Корейца» шлюпок и катеров. Присовокупив к картине финальные штрихи в виде десятка пироксилиновых патронов на кингстонах и стенках котлов, можно было понять, почему кочегары, несшие вахту и поддерживавшие пары, столь опасно вжимали головы в плечи.

«Ничего, им и пройти-то надо всего пару миль, а потом пошуровать в котлах напоследок для обеспечения более красивого облака взрыва, и на «Варяг». Правда, там потом еще страшнее будет, но, что поделать, война...»

Неожиданно из носового трюма донеслась сочная морская ругань с упоминанием святых и, что совсем уж не в кассу, офицеров.

«Так, это уже интересно! Что у нас тут за действующие лица? Ага, два известных бузотера с «Варяга». Ну, конечно, кого еще могли ночью послать затапливать трюмы с цементом? Только «любимчиков» старшего офицера. Но, впрочем, в чем-то и заслуженно их Вениамин Васильевич чморит. Как заваруха, так эта «сладкая парочка» всегда в центре событий! Взять ту же историю с купанием четверых английских матросов в Шанхае. Не совсем добровольном, естественно.

Кто по доброй воле в марте в воду с пирса сиганет-то? Пари у них, видишь ли, было. Небось, по вопросу «кто кому в рыло первым с размаху заедет, чтобы с копыт».

Ну да ладно, дело прошлое. А чем же у нас сейчас матрос первой статьи Михаил Авраменко не доволен? Ага, в жидкий бетон, как это по-французски, «а-ля рак», плюхнулся. Ну а при чем же тут начальство-то? Так, если вынести за скобки две минуты мата (силен бродяга, кстати, не повторяется; к себе вернусь – надо пару выражений перенять), «а на фига вообще мы это тут делаем?!». Ну что же, придется снизить до разъяснений. Мне завтра нужна вся команда в числе единомышленников, а этот сорвиголова вместе со своим корешем Кириллом Зреловым всех оповестят почище корабельной трансляции. И в нужной тональности.

– Вечер добрый, чудо-богатыри!

– Здравия желаем, ваше высокоблагородие!!!

– Ну что, в трюме не как у вас на грот-марсе? Скучно и грязно?

– Так точно, ваше высокоблагородие!

– Ладно, братцы, вольно. Присаживайтесь, курите, вот папиросы.

– Так в трюме же не на баке, ваше...

– Да ладно, в ЭТОМ трюме теперь можно все что угодно. Я разрешаю. Тут завтра такой фейерверк будет, что пара лишних окурков ничему уже не повредят. Угощайтесь.

– Благодарствуем.

– Я тут краем уха слышал, как ты, Авраменко, крыл весь мир в бога душу мать. И меня, в частности.

– Дык...

– Не оправдывайся, если бы я в бетоне так угваздался, то от меня ты бы еще и не такое услышал. Да не дергайся! Слушай сюда... Нам с вами, братцы, завтра надо пробиться сквозь строй из шести крейсеров и дюжины миноносцев наших узкоглазых «друзей». И лупить они нас будут не шомполами или линьками, а кое-чем похлеще. И мне уж точно не до того, чтобы обижаться на то, как ты меня обозвал. Собака лает, ветер носит, как говорят на Востоке. Но вот в том, что я заставляю вас здесь заниматься никому не нужной ху... идиотизмом, стало быть, ты, братец, не прав.

– Вашвысбродь! Так оно, это... Мало того, что на нас вся местная команда волками смотрит. Те, что остались. Большинство уже к нам на «Варяг» съехали... Но так еще и не отстирать ведь этот цемент-то! На кого я похож? Не матрос, а пугало огородное да и только! Завтра на поверке господин старший офицер опять на бак на час поставюють, а отмывать-то некогда.

– Не бойсь, замолвлю за тебя словечко. Только завтра нам всем в чистое по-любому переодеваться. А пароход мы этот поутру выведем на фарватер и, если узкоглазые не сдадутся, то взорвем ко всем чертям! И заткнем им гавань, как бутылку пробкой. А бетоном вы его заливаете, чтобы им его потом было веселее поднимать из ледяной водички. Так что поря-

док тут можно не соблюдать. Мины на верхней палубе видели? Как закончите в трюме и докурите, помогите гальванерам их подвесить под днища шлюпок и спустить это все хозяйство на воду. Нечего супостату подглядывать, что мы тут делаем, будет ему сюрприз. Да, еще, всей команде сегодня по двойной чарке перед сном. Чтоб не лаялись почему зря. Да и с устатку пользительно... А завтра – сколько влезет, но, братцы, чур, после боя.

– Рады стараться, ваше высокоблагородие!

– Ну, раз рады, то старайтесь. И помните: то, что все крутятся сейчас как каторжные, даст бог, завтра нам в бою зачтется. А утречком еще новую песню выучим, чтоб веселее на супостата идти было, слышали, небось, как в кают-компаний пели? А пока, ребяташки, за дело. Ночь, хоть и зимняя, а коротка, успеть же нам много надо. Да, еще о делах. Отбоя сегодня не будет. Поэтому, как тут закончите, соберите на «Варяге» всех наших мелких артиллеристов... Ну, что смотрите глазами круглее тарелок? Все расчеты орудий калибром сорок семь миллиметров. Возьмите фонари и бегом на бак. Вам лейтенант Беренс и мичман Лобода прочтут лекцию о том, как заряжать, наводить и стрелять из шестидюймовки Канэ. Вы следующие после севастопольцев. Но вы-то хоть артиллеристы, а из них, дай бог, хоть подносчиков за ночь нормальных сделать. Знаю, что вы ее изучали, но это было давно, а завтра я ожидаю большую убыть в расчетах. Вот вы и будете их подменять, потому как до атаки миноносцев у

47-миллиметровок делать нечего, только осколки лбом ловить, понятно?

– Так точно, ваше высокоблагородие!

– Что ж, тогда с Богом!

– Ваше высокоблагородие... А что мы им такое сделали, узкоглазым, что они на нас... Ну... Почто полезли-то?

– Мы им китайцев и корейцев мешаем в рабов обратить. Чтоб уши и носы им резать, девок сильничать да над бабами измываться. Это раз. Но мало этого самураям, потому как если с Кореей и Китаем у них это получится, попрут и к нам на Дальний Восток с тем же самым. Это два. А науськивают их на нас наши старые друзья – англичане и их подпевалы-американцы. Потому как хочется им, чтобы наш Тихоокеанский флот так же в океан мимо Японии не мог высываться, как Черноморский мимо Турции. Это три. Смекаете, ребята, что к чему?

– Дык, почто же мы им укороту-то никак не дадим, ваше высокоблагородие? Чай войско-то у нас посильнее будет?

– В этой войне, ребята, от армии не все зависит. Коли пошел бы супротив нас швед, турок, француз али немец какой, тут первая работа армейским бы была. Но японцы, они ведь от нас за морем. Они же на острове сидят. Там их столица, там их заводы, там они и войско свое готовят. Поэтому нам должно супостатов на море побить, чтоб солдатушки наши до них добраться смогли. Так что нам завтра нужно им хорошенько бока намять, от почина многое зависит. А то, что

их больше, так что ж? Мы считать их собираемся, что ли, или по сопатке набуцкать?

– По сопатке! Мелки они супротив нас, да еще и косоглазые все!

– А потом и дружкам их рыжим отвесим!

– Знаю, что за вами не заржавеет. Опыт, поди, имеется? Шанхайский небось? Или и раньше бывало? Про аденские художества ваши я тоже слышал. Смотрите у меня! Главное теперь для нас что?

– Что, вашвысбродь?

– Чтоб бить аккуратно... Но сильно!

В сыром и грязном трюме парохода раздался усиленный многократным эхом дружный хохот.

«Ну, тут порядок, теперь пора и на “Кореец”».

Спускаясь по трапу к ожидавшему его катеру, Петрович терзался проблемой: как объяснить Беляеву, почему капраз Руднев не растолковал ему про экранирование бортов парусами еще на военном совете. Честно сказать, что совершенно об этом забыл? Потеря авторитета командира, как говаривал приснопамятный полкан на военке, – самое страшное, что может с этим самым командиром быть. После группового изнасилования подчиненными, конечно. М-да, юморок-то у него был того, казарменный...

Сказать, что только что придумал эти обвесы? Тоже не фонтан, командир должен заранее знать, что случится с вверенными ему силами. Сослаться на то, что было не до это-

го, не хотел нервировать японцев, торчащих на рейде, чтобы не спровоцировать стрельбу (отмазаться, короче), а сейчас впереди еще часов шесть, как раз успеваем? Гм... А вот это может и прокатить...

И только когда катер подошел к затемненной канонерке вплотную, Петрович понял, что не все так плохо в этом мире. За неполные сутки в шкуре каперанга Руднева он, было, совсем разуверился в том, что русские офицеры ЭТОЙ эпохи были способны самостоятельно принимать разумные и инициативные решения... Слава богу, он ошибся. Борта «Корейца» от бушприта до кормы были «занавешены» парусиновым обвесом, скрепленным такелажными концами...

* * *

Григорий Павлович Беляев был в корне не согласен с уверенностью Руднева в неизбежности завтрашнего боя. Может, еще пронесет, выпустят япошки «Варяга» и «Корейца», но на всякий случай к неприятностям подготовиться не мешает, это он признавал. Другой вопрос, что отослать полкоманды на «Варяг» и подготовить носовую кюйт-камеру к взрыву – не совсем то, что он полагал единственно верным для подготовки к бою. Но приказ есть приказ...

В эту минуту размышления Беляева были прерваны вестовым, сообщившим о подходящем катере с «Варяга».

А вот и господин Руднев собственной персоной пожало-

вали... Чего он тут-то забыл? Обычно к себе на крейсер вызывал, если было надо. И что на него вообще сегодня нашло? Никогда такого шила в заднице за ним не замечалось. Известен как один из самых мягких и сговорчивых командиров на флоте. Сам наместник отмечал его покладистость, может, поэтому и перевел на один из лучших крейсеров. А тут – на тебе, вдруг все делает по-своему. Ни на йоту от своего плана не отступает! А уж планчик этот... Как подменили человека...

– Добро пожаловать на борт, Всеволод Федорович. Вы с инспекцией к нам?

– Что вы, право, Григорий Павлович, какие еще смотрины на ночь глядя? Хочу еще раз, как говорится, часы сверить. Обговорить наше взаимодействие, может, вы мне чего посоветуете, может, я вам. В общем, как говорят наши злейшие друзья англичане, провести коротенький «мозговой штурм».

– Ни разу не слышал такого оригинального выражения, но суть понятна. И что мы штурмовать будем? И, главное, где? Позвольте предложить пройти в мою каюту?

– Да, там любопытных ушей поменьше. А штурмовать мы будем японскую эскадру. Сегодня в уме, конечно, а завтра – по-настоящему. Только давайте заодно посмотрим, что у вас творится в носовом погребе, если не возражаете.

– Да ради бога. Там все готово к взрыву, только детонаторы пока не заложены от греха подальше. Стенги к утру срубим, снаряды для восьмидюймовок выложены, расчеты по-

лучили свои чарки и теперь отсыпаются, минеры никак не могут закончить проверять свою ненаглядную мину в н-дцатый раз, чтоб не оконфузиться, как «Гиляк» на стрельбах у Артура. Я и сам по старой миноносной привычке не удержался, разок к ней в потроха залез.

– ЭТА мина должна завтра до цели дойти обязательно.

– Должна. Колба держит. Краны в порядке, машина тоже. Кстати, с той миной, шаровой, которую ваши с катера ставить будут, что решили? Не очень нравится мне эта идея с нулевой плавучестью, честно говоря...

– Да уже переубедили меня минеры, Григорий Павлович. Не с вашей ли подачи?

– Ну, как вам сказать...

– Ага... Чтоб не обидеть, да? В общем, мастeryт сейчас под катером клетку для мины, а через днище вводят трубу прямо в машинное отделение. Поэтому мы тент за борт и вывесили «для просушки», чтоб без лишних глаз боцман с плотниками работать могли.

– Что за труба?

– Для страховочного конца мины, силового каната ее якоря и кабеля от гальванобатареи. Так что ставить подарок для Уриу будем обычным штерто-грузовым способом, а всплыть мине до постановки не дадут днище катера и доски клетки-опалубки.

– Слава богу, Всеволод Федорович. Так оно всяко надежнее будет. А если течением на метр-другой по борту ее и от-

тянет, то не велика беда. Да, кстати, идею с противоосколочными стенками у вас, уж простите, украл без спросу. Сейчас на носу матросики мудрят с койками, прикрывают казенники восьмидюймовок. Чехлы на них распороты и сшиты на живую нитку, причем у прицелов и срезов стволов оставили дырки. Орудия заряжены, наводчиков завтра посажу под чехлы, и первый залп для японцев точно будет неожиданным...

Минут через десять, оценив усилия «корейских» минеров на «отлично», довольные Руднев и Беляев вновь поднялись на верхнюю палубу.

– Славно, Григорий Павлович. Стало быть, к делу готовы?

– Я хоть до конца и не верю, что завтра придется с японцами воевать, но они нам тут цирк не в первый раз устраивают. Поэтому и сам готов, и «Кореец» тоже подготовил, насколько это вообще для нашего старичка возможно. Так что выкладывайте начистоту, зачем пожаловали.

За капитанами соответственно первого и второго рангов закрылась дверь каюты.

– Ну, начистоту, так начистоту... Я понимаю, что вы на меня сильно обижены, так как я фактически бросаю «Кореец» на растерзание и, прикрываясь вами, спасаю «Варяг» и себя. То есть я – распоследний негодяй и иду против главной традиции нашего Русского флота – сам погибай, но товарища выручай.

– Ну что вы, я ни единым словом...

– Ваш взгляд был достаточно красноречив, и что за ним скрывалось – тоже весьма очевидно. Как и за эмоциями наших офицеров. А как мне-то тяжело... Но понимаете... Мы сейчас фактически единственные, кто может выиграть для России эту войну!

– Гм. Простите за прямоту, Всеволод Федорович, но кроме нас тут никого нет, и я тоже хочу спросить вас кое о чем. Откровенность за откровенность. У вас никто в роду манией величия не страдал?

– Нет, Григорий Павлович, я первый, – Руднев тихо рассмехался. – И, кстати, не страдаю, а наслаждаюсь. Вот скажите мне, друг мой, кто может сорвать высадку и развертывание японской армии через Чемульпо, кроме нас с вами? У японцев сейчас под винтовкой треть миллиона, а у нас на всем Дальнем Востоке и в Маньчжурии восьмидесяти тысяч нет...

– В Артуре, если помните, у нас целая эскадра, включая семь броненосцев, во Владивостоке четыре крейсера, каждый из которых по сумме боевых возможностей превосходит «Варяга» и «Корейца» вместе взятых. Не исключая «Богатыря», тот хоть по идее и, практически, ваш близнец, но, на мой взгляд, уж простите великодушно, заметно немцами улучшенный.

– Да, все так и есть. Но давайте поставим себя на место вице-адмирала Того. Что он предпримет со своим боевым опытом и британской выучкой? Не знаю, что первым при-

шло на ум вам, а я лично уверен, что Порт-Артурская эскадра как раз сейчас атакована кучей миноносцев. И после подрыва или, упаси Господи, утопления пары-тройки броненосцев она не сможет бросить вызов Того, как минимум, до окончания их ремонта. А значит, на войсковые перевозки японцев никак не повлияет. Владивостокский отряд крейсеров заперт льдами еще минимум месяц. Но даже если справится «Надежный» и выведет их, все равно этот месяц они на высадку врага и его коммуникации решительно воздействовать не сумеют – в феврале шторма в Японском море страшные, даже «рюриковичей» порастрепать может. И команды измучаются. Потом, учтите, что из Владика сюда надо идти через Цусимский пролив. Пройти-то они, может, и пройдут, а вот на обратном пути их поймают. Короче, не рискнут они...

– Спаси нас, Господи, от такого! Но даже если бы так... Ведь и в Артуре есть крейсера! «Аскольд», «Новик», «Боярин», «Диана» с «Палладой», в конце концов.

– Согласен. Только еще там есть вице-адмирал Старк, который их никогда в самостоятельное крейсерство не выпустит, пока под Артуром болтается парочка асамоподобных. Да и Алексеев ему не даст... Отвлеченный вопрос. Вот как вы думаете, чем можно вывести из строя обе ваши восьмидюймовки, к примеру? Каково минимально необходимое воздействие?

– Ну, я думаю, достаточно одного крупного снаряда. Зав-

тра проверим.

– А я вот думаю, что хватит горсти песка в смазку.

– Это само собой, но вы это к чему?

– Это я к тому, что сейчас песочком в японском военном механизме можем стать только мы. А значит должны! И для этого я готов принести в жертву свое доброе имя, подорвав «Асаму» весьма подлым образом и бросив на верную погибель ваш «Кореец». Да слышал я, что вы себе под нос на совещании бубнили, слышал, не надо большие глаза делать! Это война, и главное теперь – ее выиграть. Появление «Варяга» на своих войсковых коммуникациях Того никак предвидеть не может. За тем он сюда целую эскадру и пригнал, чтобы ни при каких обстоятельствах ему «Варяг» поперек горла не встал. Да и просто утопление «Асамы» – это уже минус один корабль линии, а их у Того всего четырнадцать. Вернее, пока даже двенадцать, «гарибальдийцы»-то еще в пути...

– То есть вы не в Артур идете?

– Нет. У меня гораздо более интересные планы. Простите, но даже вам я не могу их раскрыть, так как есть вероятность вашего попадания в плен. Раненым, в бреду вы можете сказать лишнее. Тогда они просто «поменяют смазку», и получится, что «Кореец» погиб зря...

– Ясно. Ну, тогда удачи вам и Бог в помощь, раз вы все уже твердо решили.

– Спасибо. И давайте еще раз пройдемся по действиям «Корейца».

– Давайте.

– Для начала, при приближении к «Асаме», выгоните всех, кого можно, на палубу, пусть глазают на него, чтобы господин Уриу ни секунды не сомневался в ваших невоинственных намерениях. Корабль с кучей ротозеев на палубе никто за противника, готовящего гадость, принимать не будет. А вы как полагаете?

– Вполне резонно.

– Далее. По черной ракете с катера расклепайте якорную цепь. Я планирую сделать то же самое, эти тяжести нам больше ни к чему. Сразу давайте залп из носовых пушек по мостику и пускайте мину. Только умоляю, поднимите сначала боевые флаги и спустите сигнал о переговорах. Одновременно со взрывом мины – подрыв нашего сюрприза, Берлинга я уже проинструктировал. Тут же положите снаряды из ретирадной шестидюймовки с перелетом по «Сунгари», чтобы стационары его заметили.

Далее смотрите по обстоятельствам. Если «Асама» держится на плаву – тараньте и взрывайтесь, если тонет, то поиграйте в прятки с «Чиодой». Высовывайтесь из-за «Асамы», давайте залп, и сразу полный назад. Не забывайте подавлять любое движение на нем из всего свободного оружия!

У вас есть шанс хорошо поцапать «Чиоду». В прямой бой с ним лезть я бы поостерегся, все же у него скорострелки, и числом поболе, а у вас брони считай, что нет. Если случится невероятное и вы и «Чиоду» выведете из строя, то тогда

огонь по следующему крейсеру. Но, думаю, к тому моменту сам «Кореец» уже будет практически небоеспособен. Чудес не бывает.

Когда вы потеряете способность стрелять из обеих восьмидюймовок, возникнут угрозы потери хода или больших затоплений, то сразу, не мешкая, тараньте «Асаму» и взрывайте «Корейца». Если уже не сможете – топитесь на фарватере, естественно, после посадки команды в шлюпки. Когда решите покинуть корабль, по вашей ракете белого дыма катер подойдет к борту принять раненых, если его к тому моменту не утопят. По прибытию на берег придерживайтесь нашей версии событий. Мы предъявили японцам ультиматум, они утопили «Сунгари», мы открыли огонь в ответ на это. Мины на фарватере – случайность, результат подрыва «Сунгари», вызванного попаданием японского снаряда. Зазубрите это как «Отче наш» и офицерам то же самое затвердите. Собственно, все. Вопросы, предложения?

– Что в это время делает «Варяг»?

– Избавляюсь от станowych якорей, кроме одного, даю полный ход. Проходя мимо «Асамы», пускаю по нему пару мин. Чем дальше его будут чинить, тем лучше. Потом стреляю по «Нийтаке» и прочим и пытаюсь прорваться в море. Там в темноте меняю курс. Может быть, устрою сюрприз для японцев, если они за мной погонятся, и утром начну ловить транспорты. Обычная крейсерская работа.

– По этому фарватеру полным ходом? А как руль вам за-

клинит, что тогда?

– Ну, волков бояться – в лес не ходить. Как надо будет сбросить ход в узостях, дам полный назад. Заодно пристрелку японцам собью. Бронированную трехдюймовую трубу с рулевыми приводами «Варяга» перебить фугасами – это почти невозможно, знаете ли. Кстати, для того я у вас штурмана и забираю, он этот фарватер получше моего знает. И потом призы тоже он поведет во Владивосток, если таковые будут. Для этого и часть вашей команды на «Варяг» перевожу...

– И все это при том, что вы до сих пор не знаете об объявлении войны?

– Утром все будет. Не сомневайтесь. По тактике на завтра вам все ясно?

– Вполне. Что не ясно до сих пор, так это, что на вас нашло, Всеволод Федорович? Вы просто сам не свой! Не скажу, что мне «новый» Руднев не нравится, но откуда он взялся? Никогда бы не поверил, что вы можете пойти на такую дерзость...

– Обстоятельства-с вынуждают. И потом, в каждом из нас и наших матросов живут два разных человека, мирного времени и военного. И обычно, как это ни странно, те, кто хорош в мирное время, никуда не годятся в военное, и наоборот.

– В том-то и дело, что в мирное время вы, уж простите, были выше всяческих похвал, Всеволод Федорович.

– Раз так, значит, перед вами мой злой двойник! Давайте на том и завершим. Начальства артурского над нами тут нет, так что хочешь не хочешь, а отвечать за все мне. Поневоле заведешься. А завтра – или грудь в крестах, или голова в кустах. Но мне лично первый вариант больше нравится... Ну, удачи вам, дорогой мой. От того, как вы с Берлингом нашим начнете, почти все и будет зависеть. Молиться за вас будем...

Командиры допили «адвокатов» и вышли из каюты на верхнюю палубу. Так как главный разговор уже состоялся, лезть в трюмы, крюйт-камеры, машинное отделение и прочие потроха «Корейца» не было смысла. За долгие годы службы Беляев изучил свой кораблик досконально, и вероятность что-либо подметить свежим взглядом вряд ли перевешивала неизбежно потерянное время. Ночь уже перевалила за середину, а список абсолютно необходимых дел упорно не уменьшался, а наоборот, продолжал расти, как снежный ком. С форумной точки зрения все было гораздо проще... Кстати о необходимых делах!

– Да! Чуть не забыл ведь впопыхах, Григорий Павлович. Как вы думаете, сколько шестидюймовых снарядов успеете расстрелять завтра из ретирадной пушки?

– Если нам очень сильно, безумно повезет, то тридцать – сорок, на самом деле верю в двадцать, а что?

– Видите ли, у меня в боекомплекте де-факто одни бронебойные снаряды. Причем нового, вредительского образца. А мне для прорыва надо максимально выбить артиллерию про-

тивника, тут ваши старые, но стабильно взрывающиеся фугасы были бы гораздо полезнее. Может, оставим вам на борту пятьдесят штук, а за остальными я пришлю катер? Хоть по десятку снарядов на орудие, которые взрываются при попадании в цель, а не делают аккуратные шестидюймовые дырочки в бортах на входе и выходе.

– А, бог с вами, грабьте! Только, чур, перевозка за ваш счет. Сейчас распоряджусь, чтобы поднимать на палубу начали. Но если завтра войны все же не будет, ох и много удачи вам понадобится, Всеволод Федорович, чтобы объяснить свои действия перед адмиралом и заместником! И что за новый вред... как вы, простите, сказали, какой образец?

– Хотел бы я, чтобы разбирательство (вот ведь черт, чуть не сказал «разборка», следить надо за чистотой речи, следить...) со Старком и Алексеевым было сейчас моей самой большой проблемой. А по снарядам... Понимаете, мне тут конфиденциально один старый приятель сообщил из артиллерийского ведомства, имени назвать не могу, хоть убейте, просил остаться инкогнито, что трубки для бронебойных снарядов новых серий практически все с дефектом. Какие-то проблемы с излишней чистотой материалов, что ли... Снаряд взрывается только при пробитии достаточно толстой брони, и то не всегда.

– Да вы что! Это что же, на всех броненосцах и крейсерах эскадры, получается, невзрывающиеся снаряды? А начальство наше артурское в курсе?

– Да бог его знает! Если тут кто и в курсе, то до конца войны могут и не почесаться. Российская традиция – гром не грянет, свинья не съест! В исполнении русского чиновника – страшная вещь.

– Но ведь с этим нужно делать что-то. И срочно!

– Вот в Питере пусть и думают, как из всего этого дерь... безобразия вылезать. Здесь же на повестке дня задачка иного масштаба, только вот кому проще? Ну, не осрамиться нам с вами завтра! И да хранит нас Господь!

Глава 6

Карты на стол!

Рейд Чемульпо, Корея. 27 января 1904 года. 16:35–17:20

Через несколько секунд после первого выстрела «Корейца» варяжские становые якоря, прогрохотав на прощанье в клюзах последними звеньями цепей, упокоились на дне гавани, и крейсер, освобожденный от их узды, рванулся вперед как норовистый конь, скинувший наездника.

Под командованием старшего офицера и боцманов, заведя стальные тросы на кормовой шпиль, матросы палубной команды по очереди, сначала с правого борта, потом с левого, ловко отводили и крепили выстрелы со «снарядоулавливателями» – бывшими противоминными сетями.

Решение Руднева расклепать цепи вызвало накануне тихую панику у мичмана Черниговского-Сокола, которому, как ревизору, за эти самые якоря предстояло отчитываться. И никакие уверения командира, что они будут списаны по статье «Утраченные в бою», как и сети, не смогли вернуть ему хорошего настроения.

Поднятые еще с утра пары во всех котлах, час назад были доведены до давления в семнадцать с половиной атмосфер, полуторная смена кочегаров, залитое в опорные подшипники главных машин и валов свежее охлажденное масло, как

и его дополнительный запас в ведрах, – все это должно было позволить держать двадцать два узла до заката, если не произойдет массовых разрывов котельных трубок. Правда, была вероятность, что потом придется выводить машины по одной для профилактики или, не дай бог, уже для ремонта. Но до этого еще надо было дожить.

В случае разрыва трубок в каком-либо из котлов с выводом его из действия Лейкову было приказано компенсировать недобор пара за счет увеличения давления в остальных. Конечно, это был риск. Но других вариантов удержать скорость не было.

И, похоже, фортуне тоже было любопытно, что может получиться из сумасшедшей идеи экс-форумчанина. На этот раз она решила немного подыграть русским²³. После двух, практически одновременных, подводных взрывов у борта, крен «Асамы» медленно, но верно начал нарастать. Действие артиллерии главного и среднего калибров броненосного крейсера кончилось, так и не начавшись, – пока в ответ «Кореец» получил только одно шестидюймовое попадание в надстройку и пару малокалиберных снарядов. С «Варяга»

²³ Мнение о том, что история Русско-японской войны в нашей реальности была написана злостным японским альтернативщиком, высказывалось неоднократно вполне компетентными людьми. Причем вполне серьезно. Ну, а как иначе объяснить, что почти все, что могло пойти плохо для русских и хорошо для японцев, шло только так и не иначе? Взять хотя бы попадание русского снаряда в башню главного калибра «Фудзи», которое вызвало возгорание, после чего обязан был последовать взрыв артпогреба. Но тем же попаданием ломает трубу с водой, которая этот пожар и заливает!

было не разобрать, куда именно.

Впрочем, само собой, не все прошло так, как хотелось бы. Теория вероятности и законы Мерфи вносили свои коррективы. Один из снарядов первого залпа канонерки не пожелал лететь в мостик японца, как было задумано артиллеристами. Ему было угодно закончить свой жизненный путь красивым взрывом в носовой оконечности «Асамы».

Вот тут-то и аукнулось японцам интересное конструктивное решение инженеров эльсвикской верфи, разместивших динамо-машины над броневой палубой. Если на ведение огня из казематных шестидюймовок наличие или отсутствие электроэнергии существенно повлиять не могло, хотя заряжать тяжеленные снаряды в дымном мраке казематов малорослым японцам и стало гораздо «веселее», то вот ворочать вручную восьмидюймовые башни при нарастающем крене и масляном душе из разорванных сотрясением шлангов гидравлики было уже крайне затруднительно.

Второй залп «Корейца» был направлен в бортовые казематы шестидюймовок «Асамы». Память лже-Руднева услужливо подсказала, что может натворить даже один русский восьмидюймовый снаряд, взорвавшийся в нужном месте. Пусть и выпущенный из короткоствольной пушки, и с зарядом из слабенького черного пороха, но попавший в цель в аналогичной ситуации при Ульсане снаряд «Рюрика» нанес самые тяжелые повреждения японскому кораблю в том

бою, «однокласснику» «Асамы», кстати²⁴. А уж что могут натворить два таких подарочка, одновременно взорвавшись в броневых коробках казематов, лучше всего представить, посмотрев наиболее завлекательные и кровавые моменты «Убить Билла». Цепь вторичных детонаций зарядов и достаточно неустойчивых к близким взрывам шимозных снарядов выбила из строя три шестидюймовки вместе с их расчетами...

Нет, будь у японцев хоть полчаса на разборки завалов, пара комплектов запасных прицелов и еще небольшая кучка более мелких запчастей к орудиям – мощи одного только среднего калибра «Асамы», который, к слову, составил бы честь любому современному ему броненосцу, хватило бы на то, чтобы смести «Корейца» с поверхности моря. Увы или к счастью, как говорил (или как еще, может быть, скажет) старик Эйнштейн, все относительно.

Впрочем, японцы – не те люди, которые готовы признать, что что-либо совершить невозможно, особенно если еще есть хоть какой-то шанс! Вот и сейчас с мостика «Варяга» в бинокль можно было разглядеть, как носовая башня ГК

²⁴ Бой у Ульсана состоялся 1 августа 1904 года между тремя русскими броненосными крейсерами Владивостокского отряда под командованием контр-адмирала Иессена и японским отрядом из четырех броненосных и двух бронепалубных крейсеров под командованием адмирала Камимуря. Закончился потоплением «Рюрика». Но перед этим, один из его снарядов, попавших в «Ивате», разорвался в батарее японского крейсера, выведя из строя три 6-дюймовых и одно 3-дюймовое орудие и их прислугу.

«Асамы» медленно начала поворот в сторону «Корейца». Одного залпа пары асамовских монстриков хватило бы канонерке за глаза, поэтому с нее открыли по башне суматошный огонь из всего, что могло стрелять, включая оба пулемета.

К сожалению, восьмидюймовки самого «Корейца» находились в процессе перезарядки. Вот рывкнула ретирадная шестидюймовка. Увы, снаряд разорвался на бортовой броне «Асамы», не причинив вреда ничему, кроме краски. Пара неудачников, находившихся в отсеке за броней и получивших серьезную контузию, были не в счет в корабельной дуэли, хотя лично они бы с этим не согласились. Больше шансов предотвратить залп у «Корейца» не осталось. Надежному бронированию башни мелкие снаряды, даже попадая в цель, навредить не могли, а попасть в прорези комендорского колпака на крыше башни – слишком уж невероятная удача.

Набиравший ход «Варяг» находился еще слишком далеко, и рассчитывать на прицельные попадания просто в «Асаму», не говоря уже об отдельно взятой носовой башне, было бы самонадеянным оптимизмом. Открыть огонь прямо сейчас, с сорока пяти кабельтовых – значит рисковать поломать чертовы подъемные дуги и остаться без орудий в момент прохода мимо «Нийтаки». А это приговор не только «Корейцу» с его несколькими десятками душ на борту, но и «Варягу», где их более восьми сотен.

Вот она – оплачиваемая кровью, беспощадная цена триви-

альной конструкторской недоработки, помноженной на паршивое качество металла и отсутствие жесткой системы контроля в лице военной приемки советского образца. И никак не объяснить это сейчас милым юным мичманам, командирам носового плутонга, батареи трехдюймовок и орудий правого борта, чьи удивленные глаза видны даже с мостика – ПОЧЕМУ гад Руднев так затягивает с открытием огня!

Старарт, лейтенант Зарубаев, стоявший рядом, сжал биннокль так, что костяшки пальцев побелели, а его немного раскосые, татарские глаза превратились в узкие щелочки. Было видно, что обожание командира, ловко избавившего их от самого опасного противника – «Асамы», борется в нем с недоумением и обидой. На лице его явно читалось: «Давно пора открывать огонь, неприятель в зоне действия артиллерии, чего же ждет этот олух с погонами каперанга?! Дистанции выстрела картечью этому пережитку парусной эпохи не хватает?»

Но молодец, дисциплинированно больше об открытии огня не спрашивает, всего-то двух отлупов ему хватило, особенно хорошо подействовал второй, с упоминанием подробностей интимной жизни с шестидюймовкой системы Канэ²⁵

²⁵ Морское орудие 6"/45 (152 мм) системы Канэ было разработано во Франции в 1890 году. Морское министерство приобрело чертежи на него и аналогичную по конструкции 120-миллиметровую пушку, и с 1892 года эти орудия выпускались Обуховским сталелитейным заводом, а с 1897-го – еще и Пермским заводом. Вес его качающейся части – 8300 кг, щита – 991 кг. Общий вес станка – 6290 кг, всей установки – 14 690 кг. Предельно достижимая скорострельность –

в особо грубой и извращенной форме. Может, и обиделся, но мне сейчас миндальничать некогда.

А, хрен с ним, наверное, уже можно! На глаз, почти кабельтов сорок до нее. Нирод вон весь извелся уже, чуть ли не приплясывает за своим дальномером.

«И да свершится воля Твоя...»

– Сергей Валериянович, скомандуйте открыть огонь носовым плутонгом и всем, что дотягивается с правого борта по «Асаме» в момент нашего выхода из-за Идольми. Снаряды наши. Те, что доставили с «Корейца», беречь до момента прохода мимо «Нийтаки». Только довернем сначала немного, чтобы Беляева не зацепить.

– Есть! На дальномере!

– Сорок два кабельтовых! Скорость сближения больше пятнадцати узлов!

– На штурвале! Полрумба лево!

– Есть, полрумба лево!

– Одерживай!

– Есть, одерживай!

– Так держать!

– Есть, так держать!

Ну, вот... Сейчас... Пора!

– Носовой плутонг! Залп!!

На одно неуловимое мгновение Петровичу показалось,

что крейсер даже чуть «присел», когда баковые шестидюймовки, одновременно ахнув, дернулись своими массивными телами назад, обдав боевую рубку облачками бурого порохового дыма. Снизу, из-под мостика, их почин поддержали бортовые. Парой секунд позже громыхнули еще две с кормы. Вокруг орудий деловито засуетились расчеты...

– Падение! Недолет!

– На дальномере?!

– Сорок кабельтовых...

Началось. Господи, благослови...

Приказ на открытие огня «Варягом» совпал с моментом, когда командиру башни «Асамы» показалось, что он наконец-то поймал в прицел ускользящий на циркуляции «Кореец». Увы, не показалось. Поймал-таки, зараза! Один из снарядов прошел впритирку над палубой, второй же... Хорошая точность для первого залпа, есть одно попадание в борт, впрочем, в упор – дело нехитрое. С другой стороны, без электричества не так и просто, или все же резервное динамо запустили асамоиды узкоглазые, чтоб их в бога душу коромыслом!

Нет, хоть они и враги, но молодцы, воевать умеют... Носовая часть. Вроде прямо под правой восьмидюймовкой, черт... Ну что, минус пятьдесят процентов от мощности артиллерии, и прощай всякие шансы на добивание ожившей башни «Асамы» и повреждение «Чиоды»? Дьявол, кажется, потому что очень хочется, или на самом деле получилось?

Отсюда не разобрать, ну, сколько восьмидюймовок ответит на «Корейце»? Обе?! СРАБОТАЛО!!! Дуракам везет!

Особенно если они сами заботятся о своем везении...

* * *

«Корейца» «пронесло»: здоровенная, но надводная пробоина, отперфорированный мелкими осколками борт, заливаемый через три более крупные осколочные пробоины форпик, два члена расчета правой носовой восьмидюймовки убиты осколками на месте, еще трое ранены, плюс куча оспин на щите орудия, пара из них сквозные – это так, мелочи жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.